

ОЕМБО

МАРИЯ ДМИТРЕВСКАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Дмитриевская

Семья

«Автор»

2020

Дмитревская М. Л.

Семья / М. Л. Дмитревская — «Автор», 2020

Тонкие грани человеческого разума познаются в сравнении. Именно об этом история семьи МакКолл. Загляните в обрывки памяти пяти серийных убийц, история которых началась с сиротского приюта – а чем закончилась, вам только предстоит узнать. Вы сможете увидеть жизнь всех героев своими глазами, ведь каждая глава посвящена отдельному персонажу и ведёт своё повествование от первого лица. Им нет оправдания! К ним нет сочувствия, сострадания – им нет прощения. Они убийцы! А так ли это на самом деле? Вам предстоит пережить моменты, которые перевернут ваше сознание. Эти люди встретились при необычных обстоятельствах: они абсолютно разные, но их объединяет одно – семья. Внутренний демон живёт в каждом из нас, вопрос в том, станет ли он вашим компаньоном либо погубит вашу жизнь? Книга начнёт действовать, когда вы её закроете...

© Дмитревская М. Л., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1. «Хоуп»	6
Глава 2. «Отец, брат, наставник»	13
Глава 3. «Нерушимые препятствия»	18
Глава 4. «Стокгольмский синдром»	24
Глава 5. «Амнистия»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мария Дмитриевская

Семья

Пролог

Меня зовут Джоэл. Это дневник моих родителей и моей семьи. Я собрал фрагменты из их рукописей в хронологии всей истории. Некоторые моменты пришлось исключить, но о них вам просто не стоит знать. Каждая из глав посвящена одному из моих близких. Не скрою, было тяжело сопоставить всю историю и не потерять самое важное для каждого из них. Я опубликовал этот дневник для вас, люди. Я хочу, чтобы вы поняли, для чего они поступали именно так. Это их выбор! И вы не вправе их судить!

Глава 1. «Хоуп»

«Под гнётом ужаса, настигшего нас в детстве, мы ждём спасенья даже в самом страшном месте».

Джсерард

Дорогой дневник.

Жизнь заставила меня пройти через массу испытаний – я видел боль близких людей, страх в глазах бездомных сирот, смерть любимой женщины... И этот день преподнесёт мне массу впечатлений.

Сегодня 6 ноября 2009 года. Мы в подземном бункере, почти 20 метров под землёй. Так холодно... Нас заперли в клетке, как стаю волков, ожидающих смерти от голода и готовых порвать друг друга за кусок мяса.

Вы считаете, что сможете нас убить, что сможете просчитать наши действия? – Нет, не в этот раз... Сегодня мы не умрём! Мы будем бороться за каждую секунду, проведённую вместе...

Я родился в Шотландии, город Фолкерк. В 1967 году моя мать оставила меня у порога приюта «Хоуп» в Бостоне. Она никогда не рассказывала мне о моём отце, поэтому фамилии у меня не было. Эта женщина в течение трёх лет воспитывала меня в ущерб себе и при первой же возможности поместила в приют штата Массачусетс. Я помню только её лицо – смуглое, тощее, с маленькими больными глазами, – помню, как эти глаза смотрели на меня из пыльного удаляющегося вдаль «Форда».

Первые годы жизни в приюте я мало помню. Шёл 1971 год. Дети, которых привозили с каждым годом всё больше, не давали расслабиться. В очередной раз, когда меня зажали в раздевалке и избili мои сверстники, я ощутил такую боль, такое отчаяние, что жизнь несправедливо отнеслась ко мне. В тот день мне сломали нос, руку и, по подсчётам медсестры, четыре ребра. После этого случая прошло два дня, я стоял на веранде и наблюдал, как один из наших воспитателей уводит очередного счастливчика новоиспечённым родителям в корпус №3 (в него попадали дети, которых выбирали семейные пары, чтобы узнать друг друга поближе, а затем увозили домой). На другой стороне, уткнувшись в деревянную перекладину, стоял мальчик – его вид наводил ужас на всех воспитанников нашего приюта, но у меня он вызывал только восхищение. Я хотел быть похожим на него – такое поведение совсем не тянуло на шестилетнего ребёнка: его боялись, уважали, но мальчишка почти никогда не разговаривал. Однажды мимо него промчались три мальчика и в игре зацепили плечом, через минуту двое из них лежали на земле и корчились от боли в животе после двух прямых ударов. Меня удивляло такое поведение, но я не боялся.

В одну холодную ночь я долго не мог уснуть и решил прогуляться по окрестностям, пока все спали. Одиночество продлилось недолго – меня догнали те трое ребят, от которых все бросались в стороны. Они оттащили меня в раздевалку и начали бить, пока я не позвал на помощь. Бессилие после прошлого их посещения не давало мне защищаться. В ту ночь появился Марк. Именно тот немногословный мальчик в одиночку оттащил от меня всех хулиганов. Марк не позволял прикасаться к себе, поэтому мальчишки быстро покинули помещение, чтобы избежать драки с ним. Он был таким же одиночкой, как я. Марк помог мне подняться на ноги и пожал руку в знак приветствия. Сами того не замечая, мы стали друзьями.

Время в приюте тянулось бесконечно, с каждым годом жестокость только нарастала, и наша цель оставалась неизменной – выжить. Сюда привозили детей со всех уголков мира. Главной причиной разногласий всегда оставалась раса. Странное название для приюта, где меньше всего ожидаешь надежды.

Проводя много времени с Марком, я открыл в себе невероятные способности к открытию любых замков. Мне стало интересно заглянуть туда, куда чужим глазам не было входа. Мы захотели найти себе уединённое место и разработать план побега отсюда, хотя куда идти не представляли. Однажды Марк обнаружил подвал внизу нашего корпуса. Один из сотрудников изредка относил туда чёрные мешки с мусором, и, скорее всего, больше туда никто не ходил.

Было около четырёх утра. Мы спустились в холодный подвал, взломав основной замок, висевший на стальной цепи у входа. Подвал находился прямо под нашими комнатами, и меня это не на шутку встревожило. Марк уходил всё дальше по холодному тёмному тоннелю, спускаясь уже по третьей лестнице вниз. Никто из нас не произносил ни звука около двадцати минут, пока мы не обнаружили старую, обвисшую железную дверь. Я приложил голову к двери, чтобы прислушаться. Мёртвая тишина окружила нас. Холодный пот потёк по моему лбу. Марк поднёс указательный палец к губам. Тишина длилась около двух минут, пока по ту сторону двери не послышался крик.

Я достал из правого кармана порванных штанов отмычки, украденные из медицинского кабинета, аккуратно вставил их в замочную скважину и приступил к взлому. Марк молчал, по его рукам побежали едва заметные мурашки. И вот, наконец, – треск открывшегося замка. Я взглянул на Марка с надеждой на то, что он не так сильно напуган, как я, но ошибся. Я зашёл первым, Марк забрал из замка отмычки. Кроме крика о помощи в помещении ничего не слышно. Мы шли не спеша, ибо страх и холод не давали ускориться. Наконец, мы приблизились к источнику крика.

В старой комнате под приютом находилась лаборатория с клетками, похожими на те, в которых держат больших животных. В другом углу стоял большой холодильник с множеством квадратных отсеков. Слева от входа в комнату располагался операционный стол, на потолке над ним – зеркало в полный рост человека, а рядом – ящик с медицинскими инструментами. Всё это вызвало такой ужас, что Марк уронил мои отмычки и создал невыносимо громкое эхо во всём коридоре. Мы переглянулись, через секунду крик в дальнем углу стал ещё громче – он звал на помощь. Сердце стало биться сильнее. Марк потащил меня в ближайший шкаф для одежды и закрыл его, а сам залез под операционный стол и накрылся чёрным пакетом, лежавшим на столе. Я закрыл рот руками и стал дышать медленно, как мог.

На двери шкафа была вырезана фраза: «Под гнётом ужаса, настигшего нас в детстве, мы ждём спасенья даже в самом страшном месте». Под ней, видимо, тем же ножом – подписи и фамилии шести сирот, которых должны были усыновить. Боже... Что же здесь происходит?! Из шкафа я видел только стол, а что происходило в комнате, мне было неизвестно. Через несколько минут стало понятно, что шум никто не услышал, и я вышел наружу.

Я подошёл к холодильнику с отсеками, открыл один из них. Стэнли Купер. Мёртвый Стэнли Купер – без рук и ног. Последний усыновлённый ребёнок. Марк стоял поодаль от меня, закрывая высокий холодильник. Что это было?! Значит, все убиты, все усыновлённые убиты?! Не издавая лишних звуков, мы медленно стали приближаться к источнику крика.

В дальнем конце комнаты оборудовано место для стоматологических услуг, только вот приборы не лежат на столе, а находятся над ним, свисая с потолка на длинных стойках. К стулу привязан мальчишка, его рот заклеен скотчем. Глаза завязаны плотной тканью. Вид у него удручающий – по всей видимости, парня нормально не кормили около недели.

Я разглядел сидящего в кресле мальчика – это помощник доктора Эвана, молодой парень, на вид лет пятнадцати. Кудрявый парнишка работал в приюте, помогая по хозяйству, и вызывал к себе только доверие: он совсем безобидный. Доктор Эван был ведущим специалистом по изучению психологического состояния подростков в период депрессий, специализируясь в большей степени на мальчиках от 6 до 15 лет.

Однажды старая тётка Эбигейл Миллер, давняя подруга доктора Эвана, привезла в приют своего маленького племянника Рэя на месяц под предлогом решения проблем с оформлением её старого особняка в пятнадцати милях от Бостона. Мальчишка так и остался на попечении.

Парень интересовался чувствами других ребят, постоянно решал конфликтные ситуации и много говорил о психическом состоянии человека. Доктор решил взять его к себе в помощники, но истинная причина такого решения была неизвестна.

Никто из воспитанников не понимал почему у доктора Эвана всегда замученный вид: белый цвет лица и синяки под глазами. Его засаленные белые волосы были зачёсаны назад и при каждой возможности он доставал из кармана маленькое зеркало и, глядя в него, поправлял их руками. На руках изредка образовывались еле заметные царапины, которые Эван тщательно прятал от глаз сирот и коллег.

На стене возле стула, где сидел Рэй, были развешаны его фотографии в разных ракурсах, а на столе разбросаны наброски строения человеческого тела. Марк наклонился к Рэю и попросил не шуметь, пообещав, что поможет. Парень кивнул в знак согласия. Плотная верёвка упала на пол. Рэй открыл глаза с великим трудом, разжимая веки по несколько секунд. Он был бледен, не мог стоять на ногах и говорить. Мы пришли к выводу, что нужно уводить его отсюда как можно быстрее, пока нас не спохватились.

Обратный путь показался гораздо короче. Мы вернулись в комнату и поняли, что нашего отсутствия никто не заметил. Я слишком устал, чтобы обсуждать случившееся, – нужно дожидаться завтрашнего утра. Рэй ночевал в маленькой подсобке около нашей комнаты: места там достаточно, чтобы перекапаться одну ночь, – там его никто не найдёт.

Утро наступило мгновенно, я не мог разомкнуть глаз – так сильно хотелось спать. Первой мыслью было узнать, как дела у Рэя. Я попытался осторожно открыть дверь подсобки, пока все спали. К моему удивлению, кроме старых швабр и тряпок я ничего не увидел; правда, на полу возле места, где спал Рэй, лежала записка: «Я под мостом». Я отнёс её Марку. Тот кивнул и сделал вид, что зевнул. Важно не попасться никому из приюта на глаза.

Мы дожидались полудня в библиотеке: есть практически не хотелось, поэтому остаток времени мы коротали за книгами. Я хотел как можно быстрее увидеть Рэя. Обычно мы иногда останавливались поболтать, расспрашивали друг у друга, как дела, но в этот раз я просто не мог сидеть на одном месте.

– Я не знаю, что нам делать, я боюсь. А вдруг нас кто-то видел? И что это было там, внизу?! – Голос Марка полон отчаяния, но суровость не пропадает с лица. – Ты вообще много о нём знаешь? Я думаю, когда доктор Эван снова уедет, нужно заглянуть в его кабинет: теперь ведь нам ни один замок не страшен, правда?

– Да, конечно. Только сначала нам нужно поговорить с Рэем: видимо, именно Эван стоит за всем этим кошмаром. – Я боялся не меньше него.

После полудня мы пришли к мосту, пересекающему маленькое озеро вблизи нашей территории. Через этот мост в приют приезжали взрослые, а мы с Марком мечтали однажды пересечь его, чтобы навсегда покинуть это место. Рэй сидел там совсем один. На нём порванные штаны, грязная серая рубашка и зелёная твидовая кепка, надетая наискосок. Тёмно-каштановые волосы были давно не стрижены и закудрявились почти по всей голове. Мы подошли ближе – глаза парня наполнились страхом.

– Наверное, если бы не сегодняшняя ночь, мы бы с тобой так и не познакомились, Марк. Меня зовут Рэй – хотя, думаю, Джерард тебе уже рассказал.

– Да, очень приятно, – ответил Марк.

Я поспешил перебить их и спросил у Рэя, что же всё-таки случилось и как он там оказался. Рэй оглянулся по сторонам, сменил голос на более тихий:

– Доктор Эван около полугода назад сказал, что видит во мне потенциал. Я присутствовал на всех сеансах психотерапии, которые он проводил с детьми. Мне нравилась эта работа:

ребята с тяжёлым детством приходили в себя после потери родителей, сестёр и братьев; один мальчик побывал в коме и долго пытался восстановиться. Но буквально месяц назад доктор забыл запереть свой кабинет, и я обнаружил личные дела всех воспитанников – наши с вами личные дела. Это был почерк Эвана. Я думаю, вам нужно увидеть это своими глазами, – Рэй немного запнулся, вздохнул и продолжил свой рассказ.

– В общем, я узнал, что Эван занимается незаконными делами, которые совсем выходят за рамки дозволенного. Он никогда не позволял мне входить в лабораторию, и чем он там занимался, было известно одному Богу. Однажды вечером я всё-таки пробрался в подвал, и он меня оглушил. Эван не приходил целых пять дней – всё это время я был связан. Только сейчас удалось помыться и поесть. Я хочу, чтобы вы лично увидели те документы, которые видел я, если, конечно, вы готовы к этому. – Рэй оглядел нас печальными глазами, с надеждой, что мы откажемся участвовать в этом.

Я не стал расспрашивать подробности – ему нужен отдых. Марк предложил ему бутерброд, который прикарманил по пути сюда, и Рэй без всяких отговорок запихнул его за обе щёки.

– В четверг Эван снова уезжает в город по делам. Давайте посетим кабинет вместе? – уже доедая свой бутерброд, произнёс Рэй.

Всё это время парень ночевал под мостом. Мы построили маленький шалаш со всеми удобствами, приносили еду каждый день – в эти тёмные летние ночи Рэй был совсем один.

Дождавшись, когда доктор уедет за пределы приюта, мы без особого труда проникли в кабинет. Это была маленькая комнатуха, забитая тоннами книг. В дальнем углу пустовала одинокая тумба, а один из отсеков был глухо заперт на замок. Невозможно пройти мимо такого соблазна. Внутри оказались те самые личные дела детей, только в ночь посещения Рэем замка не было. Каждый из нас достал папку со своим именем и погрузился в изучение. Рэй держал свою именную папку и, вглядываясь в каждое слово, непрерывно читал: «Рэй Миллер. Дата рождения: 06.09.1956 г. Спокойный. Крайне общителен с потенциальными больными. Есть задатки медицинского характера. Тщательно изучает книги по синтетической теории эволюции и теории стресса».

Там оказалось ещё много разных записей, но последней из них в прошлый раз не было. Рэй сказал, что он теперь так называемый «потенциальный больной». Под этим термином Эван подразумевал ребёнка, который подвержен неизлечимой болезни, – следовательно, сразу же переводился в корпус №3.

– Подожди, – я остановил Рэя, не понимая, что происходит, – но ведь в третий корпус отправляют детей, которые знакомятся с новыми родителями, разве нет?!

– По всей видимости, мы все и должны так считать, – ответил Рэй скованным голосом. – Эван выбирает потенциальных больных и удерживает в том месте, где вы нашли меня, а после снабжает своим «товаром» специальную клинику, где «наши» органы идут на лечение обеспеченных людей... В общем, сами посмотрите. – Рэй показал фотографии обезображенных тел: ноги и руки отрублены, кожа снята, а глаз и вовсе нет.

– Я выяснил всё это, когда первый раз залез сюда, а потом Эван, видимо, догадался и проследил за мной до лаборатории.

– Я видел части тел в том холодильнике, когда мы оказались в подвале, Джер! – прошептал Марк.

У меня назревал только один вопрос: как получилось, что весь персонал приюта ничего этого не заметил, ведь усыновили уже шестерых?! Возможно, они здесь все заодно.

– Нужно уходить, – тихо произнёс Рэй.

Шли недели, а доктор Эван ещё ни разу не засветился в госпитализации «потенциального больного». Мы заметили, что он реже появляется на улице, новых шрамов на лице практически нет. Видимо, Генри боялся, что сбежавший Рэй выложит все карты на стол.

Однажды мы играли в футбол, и я заметил, как доктор Эван тщательно всматривается в нашу игру. В тот же вечер доктор подошёл к Марку и отвёл его в свой кабинет. Марк был спокоен и не выдавал своих ощущений. Эван очень долго с ним разговаривал, пытался выяснить, откуда у мальчика ожоги по всему телу и почему половина лица практически уничтожена. Об этом сам Марк говорить не любил, но мне всё-таки рассказал. Доктор Эван, естественно, знал предысторию жизни ребёнка, но, видимо, хотел, чтобы Марк сам всё поведал. Разговор Эвана и Марка оказался недолгим. Генри ничего не удалось узнать ни об ожогах, ни о Рэе.

Марк родился в 1965 году в Бостоне. Жил вместе с отцом в маленьком доме у озера. Мать погибла при родах. После её смерти отец пристрастился к наркотикам, стал приводить домой женщин, а когда Марку исполнилось три года, уснул в кровати с сигаретой в руке – и начался пожар. Одна из подруг отца успела вытащить малыша на улицу, но в своей кровати ребёнок лежал на боку, и огонь подошёл снизу.

Правая сторона тела обезображена глубокими ожогами, в том числе и лицо. Марк ненавидит, когда об этом говорят, ненавидит, когда к нему прикасаются или долго смотрят. Ещё ни одному человеку – даже персоналу и врачам – не удалось до него дотронуться. Но при всём этом он подал мне руку при нашей первой встрече.

На следующий день мы с Марком снова пошли навестить Рэя. Тот был крайне взволнован. Рэй рассказал о том, что его тётка Эбигейл скоро вернётся, – и показал письмо, украденное из почтового ящика. Она была уже стара – ей требовался уход. За свою долгую жизнь тётка успела наварить нехилое состояние на частной практике психолога. Её дом оценивался в полмиллиона долларов исключительно из-за расположения в тихом лесу у озера и огромной территории. Рэй написал ей, что Эван хотел убить его и что он сейчас вот уже вторую неделю живёт как отшельник. Эбигейл была тяжёлым человеком: считала, что Рэй болен и придумывает разные истории для привлечения внимания, поэтому частенько отдавала мальчика в «Хоуп». Старая тётка никогда не была замужем, но долгое время находилась в близких отношениях с Генри Эваном. Она воспитывала своего племянника с младенчества – после смерти своего брата и его жены в автокатастрофе.

– Я должен уехать, простите меня. Должен рассказать о том, что здесь происходит. Может, мне кто-нибудь поверит, – голос Рэя встревожен, но и возбужден. – Я помогу вам уйти отсюда...

На следующее утро вещей Рэя, как и его самого, уже не было.

Наступил 1983 год. Рэй постоянно писал нам письма. Прошло уже двенадцать лет, как мы не виделись; уже совсем скоро мы уедем отсюда навсегда. Парню никто не поверил: доктор Эван отличался своей статностью в обществе и был уважаемым учёным. Мы узнали, что по документам у тех шестерых сирот действительно появились родители. Их новые адреса также были указаны в документах. Рэй посетил все шесть адресов: там жили люди, вот только под совсем другими фамилиями. Как Генри удалось скрыть столько убийств, до сих пор остаётся большим вопросом.

Эбигейл Миллер умерла спустя три года после побега Рэя из приюта; на тот момент ему как раз исполнилось восемнадцать лет. Наследников у её состояния не оказалось. Рэй не стал терять такую возможность: на тёткины сбережения поступил в Оксфордский университет, на факультет клинической психологии, и проучился там несколько лет. Потом проходил практику в лучших клиниках страны. Благодаря деньгам и связям Эбигейл он получил степень и благополучно вернулся в Бостон для дальнейшей работы. Рэй стал самостоятельным, уважаемым и ценным сотрудником психиатрической больницы для самых отмороженных преступников Бостона. Я думаю, Рэй не зря выбрал именно это место. В его руках был архив ФБР и великий талант входить в доверие и отправлять за решётку самых жестоких людей.

В начале года стало известно, что в приют привезут девочек, хотя изначально планировалось воспитание исключительно мальчиков. Видимо, многие приюты переполнены. В марте

персонал стал готовить отдельные комнаты для новобранцев, вот только обстановка уже совершенно иная. Конфликтных детей поместили в первый корпус, отдельно от всех. Уже в апреле привезли двенадцать сирот. Самой младшей из них оказалась двухлетняя девочка, которая совершенно не умела говорить. Долгое время сотрудники обустроивали новую конуру для брошенных и сирот. Всё стало налаживаться. Эван преподавал свои уроки в полном спокойствии, без намека на то, что что-то может быть не в порядке.

По достижении восемнадцати лет мне и Марку предстояло покинуть это место и жить в отдельном жилье, выделенном государством. Мне уже исполнилось девятнадцать, а я всё ждал. Мы уже знали, что для нас готовятся маленькие квартиры, расположенные в районе Дорчестер, – для людей с доходом от 5 до 20 тысяч долларов в год. Чем же я буду заниматься в жизни, так и не решил. Зато Марк начал вкладывать в мою голову идею уничтожения всех ублюдков на планете. Сказал о том, что начнём мы именно с доктора Эвана. Мой друг не успокаивался: постоянно напоминал мне о нём, хотя прошло столько лет и всё уже давно забылось. Никто даже не догадывается, что он сделал. Меня захватило это предложение, но и пугало – оставался вопрос, как воплотить это в реальности.

В одну холодную субботу я стоял за углом и курил украденные у Джейн Никсон сигареты. Девушка шестнадцати лет проявляла ко мне нежные чувства, но моя голова забита лишь одним – скорым выходом из этого ада. В десять вечера обычно отбой – оставалось полчаса. Ко мне подошёл Марк, произнеся одну фразу: «Пора!» Я не мог поверить, что мой друг действительно решился на убийство Эвана. Я услышал шаги. Вдали мы увидели две удаляющиеся тёмные фигуры, одной из которых оказался ребёнок ростом около трёх футов. Человек держал ребёнка за руку, уводя в тот самый подвал, куда мусорщик уносит чёрные пакеты. Мы переглянулись: неужели это продолжается?.. Неужели то, что происходило двенадцать лет назад, снова повторится?

Марк дёрнулся быстрее меня. Сломая голову мы неслись через все лестницы и туннели глубокого коридора, пока не наткнулись на ту проклятую старую дверь. Не подумав о том, что дверь может быть заперта, не взяв с собой отмычки или хоть что-нибудь похожее, мы в полном отчаянии переглянулись. Прошло уже пятнадцать минут. Я решил вернуться и принести отмычки. Меня не было совсем недолго: я набирал такую скорость в беге, что мне позавидовал бы любой спортсмен в лёгкой атлетике. Когда я вернулся, дверь была уже приоткрыта: Марка нет, и Эвана не видно. Я вошёл в тот самый подвал, где мы когда-то освободили Рэя. Всё так же на месте. Я увидел кровавый отпечаток ботинка. В углу лежит доктор Эван: лицо разбито, но он явно подаёт признаки жизни. Рядом валяется железная окровавленная труба. Я посмотрел на Марка, сидящего в углу: он держится обеими руками за голову, взгляд полон ненависти:

– Я убил его, да? – Марк с осторожностью спросил меня.

– Нет, ещё жив. Где ребёнок?

Мы снова переглянулись. Марк резко вскочил и побежал к тому самому столу, где когда-то прятался. На столе лежала девочка в белом платье, с белоснежными вьющимися волосами, а рядом с ней на столике – ёмкость с формалином, в которой плавала её недавно отрубленная левая кисть. Платье было испачкано кровью, рука уже зашита и перемотана большим чёрным пакетом. Я взял девочку на руки и понёс к выходу. В этот самый момент в голову Марка прилетел удар со спины. Грёбанный доктор Эван очнулся. Марк упал на пол и лежал неподвижно, пока доктор уже направлялся ко мне. Я попытался пойти к выходу, но девочка на руках замедляла мой ход. Железной трубой Эван оглушил и меня. Девочка соскочила с рук и упала на пол прямо возле двери. Марк зацепил Эвана за ногу и повалил; пока я пытался прийти в себя, они всю молотили друг друга по лицу всем, что подворачивалось под руку. Я подбежал и ударил Эвана по лицу ногой – тот снова упал. Марк добивал его как настоящий убийца – не щадя, не жалея...

Пока мы пытались отбиться, повалили на пол несколько шкафов с какими-то химическими веществами. Эван с большим трудом достал из кармана зажигалку и бросил вперёд. Взрыв! Половина помещения взлетела на воздух. Я оттащил Марка, оставив неподвижного Эвана лежать на полу. Мы ломанулись к выходу, чтобы успеть спасти девочку. Марк заглянул за угол, куда та отползла, увидел её, сидящую на холодном полу, – она сжимала колени и закрывала голову одной рукой. Марк осторожно присел рядом. Она открыла свои большие голубые глаза. В них было что-то волшебное. Девочка смотрела на него с полным пониманием происходящего, и, несмотря на то, что её кисть безжалостно отрубили, слёз в глазах не оказалось. Девочка осторожно подняла правую руку и дотронулась до лица Марка. Я помню реакцию своего друга: он хотел отдёрнуться, но удивился, что ребёнок не испугался его «страшного» лица.

Марк взял девочку на руки, и мы успешно добрались до выхода. Спрятались под мостом. Весь персонал спасал детей, выводя их из корпусов на улицу. В тот момент я решил, что здесь больше не останусь. Мы не стали дожидаться утра. Пока стоял такой хаос и никто не мог нас остановить, мы скрылись под звуки горящего приюта, который так и не подарил нам надежду.

Глава 2. «Отец, брат, наставник»

«Она взглянула на меня, подошла ближе и дотронулась до моего обезображенного лица. Эмма вселяла в меня какое-то неизвестное чувство. Придавала сил, давала некую защиту, когда касалась. Даже не описать... Иногда её поведение казалось странным».

Марк

Сразу после побега мы направились в дом Рэя. По письмам я знал примерное расположение особняка. Мы шли почти двое суток, измученные и голодные, а главное – рука девочки была не в лучшем состоянии. Мы не смогли оставить ребёнка там: что-то меня остановило. Наконец, добрались. Рэй оказался дома. После долгих двенадцати лет разлуки я не мог нарадоваться этой встрече. Он встретил нас как истинный помещик. Рэй поинтересовался, откуда взялся ребёнок и почему мы не в приюте. Мы долго говорили о том, что произошло, пока Рэй вводил девочке обезболивающие препараты. О том, что мы теперь либо официально мертвы, либо без вести пропавшие; о том, что девочка не разговаривает, да и имени у неё нет. Спустя некоторое время мы обсудили все детали. Рэй разрешил остаться в доме на неопределённое время. Кто же знал, что здесь пройдёт почти вся жизнь...

Наступил 1998 год. Мы дали девочке имя – Эмма. «Драгоценная» Эмма. День нашего прибытия в дом Рэя запомнили как её день рождения. Это уникальное создание – благородное, доброе, верное. Эмма немного странная: что-то происходит в её голове, чего нам не видно, складывается ощущение, что она предугадывает любое наше действие. Её слабость – правда. А моя – она! Эмма не соврала ни разу за всю жизнь, даже в самых деликатных ситуациях говорила всё как есть. Девочка оказалась совсем одна, так же как я, Джер и Рэй. Вот только теперь мы вместе, а значит, уже не одиноки. Мы стали настоящей семьёй, и я никому не позволю разрушить то, что мы так долго строили.

Рэй раздобыл для нас документы – официальные, внесённые во все необходимые реестры. Теперь мы полноценные граждане страны – Джерард, Марк и Эмма МакКолл. Со временем большинство проблем разрешилось. Рэй приобрёл протез для Эммы, и девочка полноценно развивалась, как самый обычный ребёнок. Я так сильно полюбил её и привязался, что это просто не укладывалось в голове. Я так и не нашёл друзей в «Хоупе», кроме Джера, – всё боялся подпускать к себе кого-то. А тут она... Я помню, как Эмма коснулась моего лица без всякого страха и отвращения, другие только пугливо обходили меня стороной. Тогда, перед побегом, мы с Джером долго спорили, что делать с девочкой. Нам не нужен был лишний груз, но мы просто не смогли оставить её там – тогда мы бы ничем не отличались от Эвана. Сраный говнюк мёртв! Больше я его не увижу, и он ничего мне не сделает! Гори в аду! Надеюсь, никто не узнает, что ты сделал со мной...

В семнадцать лет Эмма посещала колледж, получила права, работала в баре Джера, старалась всего добиваться сама. Я видел, как сильно Джер обеспокоен её интересами, тем, что девочка уже совсем взрослая. Много времени они проводили вместе: Джер обожал автомобили, и, естественно, Эмма последовала этому примеру. Это как завести маленького котёнка, к которому ты привязываешься и который начинает вырастать, становясь грациозным животным. Только моя любовь к Эмме была платонической. Так мне казалось раньше...

Джер боялся, что однажды она встретит парня, поцелует его, а потом он обязательно разобьёт ей сердце, как это обычно бывает. Но, к удивлению, Эмма выросла сдержанной. Не была замкнутой, но и не слишком открытой в обществе, совмещала в себе осторожность и взвешенность всех поступков. Как-то рассказала мне, что видит во всём последствия. Для Эммы было важно послевкусие каждого поступка. Она завораживала своим суждением о жизни, казалась мне взрослым, сформированным человеком. Во всём этом я чувствовал долю своего воспитания. Всё-таки не зря мы оберегаем её от любого непродуманного поступка.

С Рэем же, наоборот, отношения были натянуты. Эмма считала его отцом, спрашивала на всё разрешение, даже на поездку за рулём с Джером. Чувствовалось: ребёнку не хватает родительского внимания. Рэй крайне умен и начитан. Эмма иногда садилась рядом и наблюдала за его работой, никогда при этом не вмешиваясь и не отвлекая. Она хотела быть и ему нужной.

Я дал девочке прозвище – Принцесса, когда учил читать в детстве. Так оно и прижилось на всю жизнь. Так забавно... Эмма не умела причёсываться: с её необычно длинными волосами нужно было что-то делать. С самого детства я пытался научить её заплетать косы, но всё без толку – видимо, теперь мне придётся делать это всю жизнь. У Эммы есть маленький недостаток: на дню может выругаться десятки раз. Когда злится, удивляется – многие эмоции оказались связаны с бранными словами. Один раз девочка услышала ругательства от Джера, и отучать от этого теперь не имеет никакого смысла – слишком быстро всё схватывает. По воскресеньям мы, как и все, ходим в церковь, всегда празднуем День благодарения, Рождество и Хэллоуин. Всё как у обычных людей.

Где-то полгода назад я повёз Эмму на прогулку в лес – мы любили много гулять. Но этот раз мне особенно запомнился. Тогда мы встретили лося-альбиноса. Прямо как в сказке. Я не смог увидеть животное вблизи, а вот Эмма рассказала, что смогла его погладить. Прекрасный тогда был день...

Сегодня вечером Эмма подошла ко мне и попросила разрешения уйти ночью на вечеринку. Сказала, что там будет весь колледж и, если она не придёт, её будут задевать. Девочка смотрела на меня таким же проникновенным взглядом, как в тот день в приюте. Я не могу отказать, хотя знаю, что Джер будет недоволен. Сказал, что отпущу и не скажу ничего Джеру, чтобы не было неприятностей. Она была на седьмом небе от счастья. Я научил её неплохо драться, поэтому был спокоен.

Весь вечер я сидел в ожидании. Уже около часа ночи, и я знал, что вернётся она не скоро. Рэй, как всегда, работал в своём кабинете, а Джер пошёл в бар, чтобы в очередной раз напиться до усрачки. Моим единственным «ускорителем времени» была книга Майна Рида. Я услышал звук подъезжающей машины: фары осветили дом, – и я увидел Эмму, выходящую из-за руля нашего Chevrolet Tahoe, вытаскивающую Джера с пассажирского сиденья. Брат в стельку пьян. Эмма закинула его руку на плечо и повела к дому.

– Вот, чёрт, а я думала сегодня «я» напьюсь первый раз в жизни! – Она произнесла это с таким чувством, что Джер сразу усмехнулся.

Я помог довести братца до дивана – он плюхнулся, как мешок с дерьмом. Я ушёл на кухню. Джер взял Эмму за руку и подтащил к себе.

– Скажи мне, я плохой человек? – Джер еле волочил языком.

Эмма оглянулась на меня, закатила глаза и, улыбнувшись, ответила:

– Каким бы плохим человеком ты ни был, я всё равно буду тебя любить. Спи, Джерри.

Девочка накрыла его одеялом и подошла ко мне. Гулянки длились совсем недолго. Эмма рассказала, что всей компанией они пошли в бар Джера.

– Ну не могла же я сказать всем, что это бар моей семьи? – Голос был настойчив. – Он сидел за стойкой и развлекался с местной девкой, когда я зашла внутрь. Вроде не заметил меня сначала, я даже успела полчаса потанцевать, но вот когда один парень решил отвести меня на улицу, Джерри бросил бутылку прямо ему в голову через весь бар, представляешь?! Я не понимаю, что он делает: держать меня возле себя хочет? Я уже не ребёнок, я и врезать могу, ты же знаешь!

– Что за парень? – спросил я спокойным тоном.

– Ничего особенного, просто он давно возле меня вьётся, а тут приглянулась возможность, а Джерри всё испортил. Хотя...

– Хотя что? – меня всё больше интересовали её мысли.

– Он мне даже не нравится. Мне, если честно, вообще никто не нравится, просто приятно, что на тебя обращают внимание.

– А, есть кто-то, кто тебе нравится?

– Не знаю, мне нравится Джерри.

– Тебе только так кажется, – я усмехнулся.

– Может быть, знаешь, у меня в голове много всего лишнего... Девчонки тоже красивые. Я слушал всё, что она говорит.

– Одно успокаивает – скоро учёба закончится, ненавижу учиться. Марк, я наконец буду заниматься тем, чем захочу. Мне ведь не нравятся все эти тусовки, понимаешь?! Я не хочу жить в этом обществе, терплю их из-за того, что ты мне сказал, что надо учиться. Мы с тобой можем жить гораздо интереснее, и ты это знаешь!

Недавно вспоминала того мужчину, что отпилит мне грёбаную руку, – надеюсь он сдох. А ведь сколько ещё таких ублюдков в этом городе, в стране, да в целом мире...

Такой настрой пугал меня ещё больше: я понимал, что девочка полностью созрела для того, что мы задумали с братьями уже очень давно.

– Фух... Ну, вроде всё, выговорилась, – спокойным тоном произнесла Эмма. Пожелала мне спокойной ночи, обняла и поднялась наверх, в свою комнату.

Утром я проснулся от звука разбившегося стекла на кухне. Это Джер. Я спустился, и, пока Эмма не прибежала на звуки ругани, решил поговорить с ним.

– Что ты творишь, брат?! Мне казалось, ты уже достаточно побуянил, когда был пацаном! Джер осторожно повернулся.

– Посмотри, как она привязана к тебе, а какой пример ты подаёшь? Ты слышал, как она ругается? Я таким словам точно не учил, – моё волнение передалось и ему. – Эта девочка – драгоценный дар. Откуда-то она всё же свалилась на нашу голову! Раз уж мы взяли на себя такую ответственность, её нужно беречь. Переставай бухать, иначе Эмма повторит и это!

Джер был ужасно расстроен, ему и самому надоела такая жизнь. У нас есть постоянная работа и доход, вот только дальше никто не продвигается. И за стакан брат начал хвататься исключительно из-за этого. Нам всем хотелось большего! В тот момент на лестнице уже появился Рэй.

– Я ведь купил этот бар, чтобы заработать, а в итоге всё там пропиваю. Так не должно быть, – Джер схватил стакан и разбил о пол.

Эмма появилась незамедлительно вместе с уже спустившимся Рэем. Она подбежала к брату, обняла его и попросила успокоиться. Джер изменился в лице.

– Прости, детка, я напугал тебя, – он нежно обнял её.

Джер всегда реагировал на Эмму как на объект своей слабости. С самого детства брат всегда был рядом с ней. Воспитывал, учил вместе со мной говорить, а ведь ей так долго это не давалось. Я думаю, в момент разговора Рэй понял, что пора что-то менять. Не знаю почему, но все идеи и любые наши решения всегда начинались с его слов.

Через несколько дней Джер обратился ко мне с предложением построить небольшой домик у нашего озера для Эммы. В детстве девочка читала книжку и увидела иллюстрацию с домиком на воде – она была под таким впечатлением, что всё время бегала и доставала всех этой картинкой. Особняк Рэя был огромным, и площадь участка позволяла построить ещё один маленький домик для отдыха.

Мы потратили на строительство около месяца. Я зарабатывал на своих боях и картинах достаточно, чтобы порадовать мою Принцессу. Джер работал преподавателем философии в маленьком колледже на окраине города, ну и вдобавок у него был собственный бар. И пока Эмма на учёбе, мы втроём готовим сюрприз. Почти весь месяц мы отвлекали её от дальнего двора, чтобы девочка ни о чём не догадалась. И вот, наконец, закончили.

Был дождливый вечер. Джер искал ту самую книгу с изображением дома. Я сидел возле камина и рисовал сидящую напротив меня Принцессу. Этот набросок был одним из самых лучших в моём блокноте: прежде я ещё не рисовал её настолько красивой.

Эмма готовилась к выпускному вечеру: красила ресницы, расчёсывала свои длинные белые локоны. Всё же мне пришлось самому уложить ей волосы – иначе Эмма не смогла бы выйти из дома. Я видел, как Джер боится её отпускать. Неизвестно, чем всё может закончиться.

Эмма поднялась наверх, чтобы надеть платье. Это первое попавшееся платье, которое подвернулось под руку, – даже здесь девочка не стала долго думать и трепать всем нервы. Я всегда удивлялся такому спокойствию: хоть бы раз устроила обычную детскую истерику! Видимо, ей это абсолютно неинтересно.

Мы втроём сделали Эмме подарок в виде серебряной цепочки с тремя висящими буквами: R, J, M. Каждый кулон закреплён к цепи и не сдвигается в сторону – таким образом мы показали значимость каждого из нас. А вот про домик на заднем дворе Эмма и не догадывалась.

Девочке уже семнадцать лет, а она до сих пор ни с кем не встречается – меня это тревожит. Я начитался множества книг о воспитании ребёнка; ну, в общем, в этом возрасте девочки уже встречаются со своими сверстниками. А тут она заикнулась про девочек – не нравится мне это. Эмма часто шутила, что её мужем будет Джер и никто другой. Слишком много времени они проводили вместе. Других мужчин в её мире не существовало.

В тот вечер я поднялся в комнату, чтобы поговорить о предстоящем событии. Как же она красива: волосы аккуратно убраны назад и заколоты, два локона распущены с двух сторон. Длинное синее платье в пол. Я привык видеть её в чём угодно, только не в платье.

– Марк? – повернулась ко мне.

– Тебе очень идёт, Принцесса...

Она взглянула на меня, подошла ближе и дотронулась до моего обезображенного лица. Эмма вселяла в меня какое-то неизвестное чувство. Придавала сил, давала некую защиту, когда касалась. Даже не описать... Иногда её поведение казалось странным...

– Что-то не так. Я очень странно себя чувствую. Не хочу идти туда, побыстрее бы всё закончилось. Не уходи от меня далеко, хорошо? – встревоженно говорила Эмма.

– Ну чего ты? Я всегда рядом, – я обнял её.

В комнату зашёл Джер. Рэй стоял на пороге.

– Мы сделали тебе эту вещь на случай, если ты вдруг о нас забудешь, – Джер подошёл ближе.

Эмма смотрела в зеркало, где отражались три наших фигуры.

– Не могу представить, что может случиться, чтобы я о вас забыла, – она улыбнулась и подняла часть волос, чтобы оголить шею.

Джер осторожно перекинул серебряную цепочку через тонкую шею и застегнул. Он долго смотрел в зеркало, пока Рэй не позвал всех спуститься вниз. Мы отправились на выпускной бал вместе.

Рэй являлся официальным опекуном Эммы, поэтому все её одноклассники считали его полноценным родителем. Девочку часто спрашивали о матери. На этот случай у нас была легенда о том, что та умерла при родах. А мы с Джером – якобы от её первого брака. Иначе никто бы не поверил в такую разницу в возрасте между Рэем и нами, двумя «лбами», – всего-то около восьми лет. Да, пару лет было много вопросов, но, как только появляется новый объект, о тебе сразу забывают.

Выпускной бал сделали просто шикарным. В этом колледже учились детишки богатых людей Бостона, и Рэй постарался, чтобы наша девочка попала именно сюда. Молодёжь веселилась, а мы вместе с пафосными трудягами состряпали себе выпивку за отдельным большим столом. Эмма светилась от счастья, танцевала весь вечер.

Примерно к одиннадцати часам все уже были изрядно пьяны. Выпускники рассредоточились по углам, а самые стойкие начинали важно искать смысл жизни в своих долгих монологах. Никто из присутствующих, видимо, и не предполагал, что может что-то случиться. Кроме Эммы. Девочка оглядывала весь зал, смотрела на лестницу и дверь на втором этаже – прямо напротив. Осторожно прищурившись, она опускала глаза и снова поднимала их, как будто ожидая чего-то. Джер подошёл, спросив, всё ли в порядке.

– Я, видимо, перебрала с алкоголем, – голос такой тихий. – Может быть, пойдём домой, Джерри?

Джер указал жестом мне на дверь, я подошёл к Рэю и дал понять, что мы уходим. Мы уже выходили, как вдруг раздался хлопок. Дверь на втором этаже распахнулась: высокий мужчина вытолкнул одноклассницу Эммы прямо на лестницу. Та рухнула на пол за мгновение до его исчезновения. Все побежали к девочке, из головы которой уже текла кровь.

Пока люди кричали, Эмма стояла возле выхода, молча смотря на одноклассницу. Джер взял её за руку и увёл на улицу, я пошёл за ними, а Рэй устремился к пострадавшей, чтобы помочь.

– Я видела, как она упадёт. Она должна была упасть. Что это было? Ох... чёрт! – Эмма схватилась за голову. – Мне нужно домой.

Девочку спасли: отделалась небольшим сотрясением мозга и испугом. Того мужчину так и не нашли – никто даже лица не запомнил. Из-за чего всё произошло, никто не знал, а мы не стали вдаваться в подробности. Меня больше интересовало, что видела Эмма. В тот вечер дома она рассказала, что на миг увидела несчастный случай как наяву – и уже через десять минут всё случилось. Это был первый случай проявления способностей Принцессы. Эмма попросила больше об этом не говорить, пока сама не разберётся.

Утром все пошли на задний двор, чтобы показать сюрприз, который так долго скрывался. Я ожидал именно такой реакции! Мы построили маленький домик – прямо со страниц её любимой детской книжки. На озере сделали небольшую крытую площадку, правда, опоры сами бы точно не поставили. В общем, все были довольны, и следующую неделю мы наслаждались отдыхом.

Вечером Рэй собрал всех в гостиной. Сказал, что хочет поговорить, и начал незамедлительно:

– Ко мне вчера в очередной раз приходил один мальчик, поведав о депрессии, о том, что живёт с пьющим отцом, который его постоянно избивает. Мальчишка весь в синяках, но лицо нетронуто. Дени хочет жить с сестрой своей погибшей матери, а та, в свою очередь, не может добиться от суда разрешения хотя бы видеться с ним, – Рэй на секунду замолчал.

– Это не единичный случай, но помощи от государства здесь точно ждать бессмысленно. Я предлагаю «убрать» причину бедствия этой семьи и позволить мальчику жить полноценно с любящим человеком. Я думаю, пришло время начинать подчищать мир от таких людей.

Эмма смотрела на Рэя с большим восхищением. Я долго ждал этого предложения именно от него. Мир просто кишит напыщенными монстрами, мешающими жить хорошим людям. Такими, как Эван... И если есть возможность помочь им, я думаю, стоит попробовать.

Рэй получил от всех согласие, и даже юный возраст Эммы не помешал ей сделать правильный выбор. У нас есть месяц на реализацию данной задачи, ведь в сентябре папаша должен переехать в другое место, – соответственно, и Дени перестанет ходить на приём. Ему было столько же, сколько и нам, когда пришлось сделать трудный выбор и изменить жизнь. Рэй сказал, что разработает план, но на это нужно немного времени.

Все осознавали, на что идут. Я хотел истреблять таких людей ещё задолго до этого предложения. Джер, Эмма и Рэй всегда шли со мной рядом, плечом к плечу.

Принцесса загорелась от мысли о новой жизни. А я, наконец, дождался своего возмездия...

Глава 3. «Нерушимые препятствия»

«Человек – самое одинокое существо на планете. Никому не понять твоих чувств. Ты всегда будешь один на один со своими мыслями, будешь бороться, противостоять им, но никто не поймёт тебя так, как ты сам».

Рэй

Мне необходимо немного времени, чтобы всё обдумать. Мальчик напуган, он больше не в состоянии терпеть побои от отца. Сегодня вечером я снова с ним встречу, только на этот раз мне нужно подготовить мальчика к тому, что отца он всё-таки лишится. Как же долго я вынашивал эти мысли в своей голове – лет так двадцать уж точно. Сколько всего вижу, пока работаю в этой клинике! Самые отмороженные люди пытаются обдурить государство, и у них это неплохо получается! Вот только я вижу их насквозь.

Как только я начал вести частные приёмы помимо больницы, всё чаще сталкивался с абсолютной бесчеловечностью. В большинстве случаев, естественно, страдают дети. Некоторые из них годами терпят издевательства от собственных родителей. Пока я в состоянии помочь, нужно что-то сделать. Мы не должны решать судьбу другого человека, ведь каждый живёт так, как хочет. Но в некоторых случаях человеку просто необходима чужая помощь.

Мой кабинет находился в самом центре Бостона. Из окна открывался блестящий вид на город, и моим пациентам было приятно посещать это место, хотя их проблемы оказывались не самыми простыми. Я сидел в кабинете в ожидании Дени – для него сегодня должен состояться последний приём. В 18:00 мальчик уже стоял на пороге.

– Присаживайся, Дени.

– Здравствуйте, мистер Миллер. Я промок: там дождь идёт. Я думал, что не успею к вам, – мальчик тяжело дышал и был взволнован.

– Заварить тебе чай?

– О, да, спасибо. Я бы не отказался.

Я направился к кухонному столу, чтобы заварить чай, пока мальчик грел руки возле камина. Через десять минут мы сели друг напротив друга и начали беседу.

– Дени, я хочу спросить тебя, готов ли ты поменять что-то в своей жизни? Это касается твоего отца.

Мальчик опустил голову и заплакал. Я ждал, пока он успокоится, – ребёнок должен всё осознать.

– Да, мистер Миллер. Я, правда, больше не могу. Вчера он снова напился. Отец толкнул меня, и я ударился головой. Сказал, что из-за меня погибла мама, что я обуза. Потом выставил меня – я всю ночь провёл на улице.

Я не мог это слушать: меня переполняла злость.

– Почему ты не позвонил мне, Дени? Ты ведь знаешь мой номер.

– Я не знаю... Вы, наверное, были заняты.

– Какие глупости! Ты можешь звонить мне всегда.

– Спасибо.

– Дени, я говорил с твоей тётей, и она готова взять тебя к себе. Она очень тебя любит.

– Знаю. Я так скучаю... Она очень похожа на маму.

На секунду я замолчал, представляя, как этот ублюдок избивает беззащитного ребёнка.

– Ты любишь отца, Дени? – осторожно спросил я.

Мальчик посмотрел на меня абсолютно пустыми глазами.

– Нет! – ответ был внушительным, без слёз и жалости. – Отец – это препятствие, которое не даёт мне нормально жить!

– Я понимаю. Человек – самое одинокое существо на планете. Никому не понять твоих чувств. Ты всегда будешь один на один со своими мыслями, будешь бороться, противостоять им, но никто не поймёт тебя так, как ты сам. Если ты понимаешь, что отец больше не должен тебе мешать, если ты действительно сможешь жить без него, тогда я смогу тебе помочь.

Я подготовил мальчика к самому худшему – к смерти родного отца. Дени понимал, на что идёт, понимал, что никто не должен знать об этом.

– Завтра вечером твоя тётя заберёт тебя, но ты должен уйти незаметно и оставить дверь открытой. Хорошо?

– Да, мистер Миллер, я всё сделаю.

– Ты точно всё обдумал?

– Да, – мальчик посмотрел на меня глазами взрослого человека, осознающего свой поступок.

Почти полгода я слушал эти рассказы, поддерживал в беседе, но одними разговорами делу не помочь. Было ясно, что Дени никому не говорил о наших разговорах. Я полностью ему доверял, так же, как и его тётю.

Мы с Дени попрощались, и я пообещал, что в следующий раз мы увидимся уже не в этом кабинете, а у него дома – вместе с тётю. Мальчик ушёл с улыбкой на лице.

Я поспешил домой, к семье, чтобы рассказать всё, что успел обдумать за это время. Они уже ждали меня. Я зашёл в дом и присел возле камина.

– Я договорился на завтрашний вечер. Дени оставит заднюю дверь открытой. Отец обычно спит на втором этаже, в комнате слева. После двенадцати всё начнётся. Я не хочу отравлять его газом или подсыпать таблетки. Нужно сделать так, чтобы все поверили, что он умер вследствие несчастного случая. Мы схватим его: Джерард будет держать ноги, Марк – руки, а я натяну пакет на голову. Но чтобы на шее не осталось следов, нужно подложить что-то вроде полотенца – это сделает Эмма.

Утром я не мог найти себе места. Эмма не спала всю ночь, всё ходила по дому. Джерард с Марком крайне спокойны. Я примерно предполагал, что братья справятся: ведь они смогли однажды убить. Ещё долго мы говорили о Дени, и ни одного из нас не смущала сложившаяся ситуация.

Вечером мы вместе уехали на пять миль от Бостона – в Медфорт. Долго отсиживались в машине, дожидаясь, пока Дени уйдёт. Около полуночи мальчик распахнул заднюю дверь и осторожно, на корточках, продвинулся к машине своей тётю. Как только автомобиль скрылся из вида, мы переглянулись.

– Мы ещё можем отказаться от этого, вы же понимаете? – я с тревогой задал им вопрос.

– Мы уже всё решили, нужно с чего-то начинать, ведь так? – Марк открыл дверь и вышел из машины. Джерард отправился следом.

– Ты идёшь? – за ними вышла и Эмма.

Я оставил машину недалеко от заднего двора, возле деревьев, где никто её не заметит. Мы не могли идти через улицу: был риск, что нас всё-таки обнаружат.

Марк огляделся по сторонам, указав, что поблизости чисто. Джерард открыл дверь и придерживал её, пока все не зашли внутрь. Двое из нас осторожно обошли первый этаж дома. Эмма готовилась подняться наверх. Как только мы убедились, что в доме нет посторонних, осторожно поднялись по лестнице. В доме стоял смачный запах алкоголя и сигарет – дешёвым виски тянуло даже с улицы.

Как только мы зашли в комнату, стало понятно, что было незачем так красться: мужчина в полной отключке. Напротив кровати шумел телевизор, а на полу валялись обугленные окурки и пустые бутылки. Я достал плотный пакет и подошёл ближе к кровати. Джерард затянул шторы на окне, а Марк присел рядом с мужчиной и сжал его руки. В руке Эммы уже было плотное полотенце – девочка положила его на шею спящего алкоголика, а я резко натянул пакет на его

голову. Он начал брыкаться, как баран, которого вот-вот пустят на фарш. Мужчина оказался достаточно сильным: братья с большим трудом сдерживали его, пока тот захлебывался в собственной слюне. Эмма заметно нервничала, но не сводила взгляда с лица жертвы. Её рука не прекращала трястись от страха. Всё продлилось около минуты – и вот, наконец, жертва перестала дышать. Хватка ослабла, и мы отпустили мёртвое тело. Я убрал пакет с лица, проверил пульс. Мужчина мёртв. Дело сделано. Теперь осталось только осторожно уйти.

Мы убрали полотенце. На шее не было ни малейшего следа. Джерард повернул тело на бок и вложил в руку сигарету. Эмма прикрыла его рот. Шторы снова раздвинуты. Эмма достала какое-то средство и протёрла пол, удаляя наши следы. Мы сняли перчатки и по одному вышли из дома. Эмма добралась до машины первой, завела её – и, как только последняя дверь закрылась, дала газу.

Мы вошли на порог дома с прекрасным, освежающим чувством свободы. Я держался за голову, находясь в шоковом состоянии. Марк налил стакан любимого виски и выпил залпом:

– О, чёрт.... Вот это адреналин!

– Да... Оно того стоило! – устроившись на диване, сказала Эмма.

– Ну, брат, начало положено. Я надеюсь, ты ни о чём не жалеешь, – Джерард лёг рядом с Эммой и положил голову на её колени. – Пока ты сидел в своём кабинете, мы всё думали: когда ты решишься? Значит, не прогадали, Рэй. Именно ты должен был начать этот путь.

Марк допивал виски и протянул по стакану каждому из нас:

– Ну что, отметим нашу первую победу! Я хочу выпить за вас, друзья мои! За наше взаимопонимание и верность друг другу. Хочу, чтобы впереди нас ожидало только светлое будущее!

Стаканы загремели, а праздник не кончался всю ночь. В ту ночь я заснул, как младенец. Меня переполняло возбуждение. Я не жалел этого человека, не жалел его друзей и знакомых. Мне стало понятно, что сегодня мы сделали мир немного лучше таким маленьким поступком.

Марк иногда приводил в дом своих многочисленных пассий, и эта ночь не была исключением. Вместе с Джерардом и Эммой они допивали остатки виски у озера, пока эти двое не удалились в дом, устроившись возле камина.

– Ну, ты как? – спросил её Джерард.

– Пока не совсем понимаю, что произошло, но мне понравилось, Джерри. Этот мужчина напомнил мне историю про доктора Эвана – Марк не даёт мне её забыть. Когда это животное посмотрело на меня, я увидела страх, такой же, какой испытывал Дени. Теперь всё встанет на свои места. Может быть, мы и нужны для того, чтобы давать людям то, что они заслуживают. Теперь ты не считаешь себя плохим человеком?

– О, ты застаёшь меня врасплох. Я был пьян! А когда я пьян, лучше побыстрее меня заткнуть.

– Ты всегда пьян, Джерри. Но я помню каждое твоё слово. Ты не ответил.

– Я останусь для тебя самым плохим человеком, раз ты меня за это любишь!

– Ну хорошо, ковбой! Надо закругляться, я уже на ногах не стою, – Эмма выпила ещё глоток, хлопнула его по плечу и встала с дивана.

– Доброй ночи, Джерри, – Эмма поднялась наверх и закрыла дверь.

– Доброй ночи, детка, – сидя на диване, произнёс Джерард.

Тогда я не понимал, что эти безобидные разговоры могут закончиться чем-то иным.

Утром моя голова раскалывалась от боли. Я знал, что мне остаётся лишь ждать, когда Дени сообщит мне о трагедии. Он не заставил себя ждать: раздался звонок, и я поспешил снять трубку. Мальчик звонил со стационарного телефона в двух милях от дома. Он произнёс лишь одно слово:

– Спасибо.

Улыбнувшись, я повесил трубку. Через две недели ко мне на приём записалась его тётя. Она поблагодарила меня, рассказала, что суд назначил её опекуном как единственного родственника. О другом женщина просто не могла мечтать. Официальной причиной смерти этого животного стала остановка сердца от передозировки алкоголем. Никто и подумать не мог, что его могли убить.

Я приехал навестить Дени через месяц после произошедшего. Ну что я могу сказать: у мальчика даже цвет лица изменился. Я впервые увидел улыбку – Дени успел немного поправиться, а главное, стал по-настоящему счастлив. Моё обещание сдержано.

Время шло, а мне всё больше хотелось продолжать. Я часто наблюдал за этими тремя. Каждое утро они выходили во двор, чтобы тренироваться. Джерард был уверен, что Эмме необходима подготовка. Марк достаточно хорошо натренировал её в плане боёв, но этого было мало. Девочка должна научиться выходить из самых сложных ситуаций.

Марк и Джерард устраивали ей различные испытания, пока не добились того, что она проходила их лучше, чем они. Джерард впервые дал Эмме пистолет. С этого и началось всё самое интересное. Девочка стреляла всегда один раз: очень долго прицеливаясь, попадая прямо в десятку. Марк подарил ей самодельный нож, который впоследствии Эмма носила с собой на протяжении всей жизни. Нож был позолочен, а на рукоятке высечен беркут, олицетворяющий свободу и независимость. Мы вместе выезжали в поля, чтобы отрабатывать точность стрельбы. Спустя три месяца усердного труда мы были полностью готовы к более сложным заданиям.

Сейчас в моих руках находится база данных самых разыскиваемых преступников – со многими из них мне приходилось иметь тесный контакт. Три раза в неделю я бываю в психиатрической больнице, и моей задачей остаётся определить, лжёт человек или нет. В большинстве случаев они, естественно, притворялись, чтобы избежать тюрьмы. Ведь содержание в лечебнице гораздо приятнее нахождения в камере. Это тяжелая работа, но она показывает мне всю суть павшего человека. Таких людей можно расстреливать пачками, но, к сожалению, закон не позволяет. Я достиг многого, пока жил один, а теперь могу пустить все свои возможности и знания в нужное дело.

Наконец, я придумал новый план, который поможет нам всем продвинуться гораздо дальше. Этот шаг довольно рискованный, но без этого не обойтись. Я долго искал людей, которые подойдут под все параметры. Мне нужны одинокие, безжалостные преступники, которые достаточно натворили, чтобы мы могли решить, достойны ли они продолжать жить. У меня есть только одно правило – никогда не трогать женщин, хотя, возможно, в будущем я нарушу его. Меня заинтересовали досье четырёх человек, разыскиваемых или уже найденных полицией, по разным причинам. Всё же одна женщина попала в этот список:

– Брайан Альберт Холл. Дата рождения: 02.09.1955 г. Место рождения: Вудберн, округ Мэрион, штат Орегон, США. Гражданство: США. Бывший офицер. Разыскивается за мошенничество в крупных размерах, а также за похищение и убийство людей. Ограбил 16 банков, в ходе преступной деятельности убил 5 человек. После поимки был помещён в тюремное заключение и освобождён под залог через четыре года (в деле имелись все признаки коррупционной составляющей). Возможное местонахождение: Канада, провинция Саскачеван.

– Стэн Абрахам Флорес. Дата рождения: 23.05.1965 г. Место рождения: Чикаго, штат Иллинойс, США. Гражданство: США. Учился в медицинской академии. Получил учёную степень. Стал детским психологом. Разыскивался за насилие, похищение и убийство подростков в возрасте от 12 до 14 лет. Был признан невменяемым и в настоящее время находится на принудительном лечении в психиатрической больнице Маклина (Бостон).

– Мариса Элизабет Рейес. Дата рождения: 07.06.1968 г. Место рождения: Риверсайд, штат Калифорния, США. Гражданство: США. Держит собственный бордель в Бостоне. Продает тяжёлые наркотики клиентам. По слухам, некоторых девушек продаёт в рабство богатым

постояльцам. Снимает компрометирующий материал и шантажирует клиентов. Контролирует крупный район в Бостоне, на территории которого регулярно обнаруживают трупы.

– Сет Уильям Блэк. Дата рождения: 20.05.1971 г. Место рождения: Хуарес, штат Чиуауа, Мексика. Гражданство: Мексика, США. Эмигрировал из Мексики вместе с братом после смерти родителей. Разыскивался в Бостоне за грабежи и разбои. В перестрелке застрелил ребёнка «по неосторожности», что неоднократно оспаривалось в суде. В результате был помещён в тюрьму на 10 лет. В 1997 году освобождён из-под стражи. В настоящий момент проживает в Бостоне, работая на предприятии по химчистке одежды. Самый спорный кандидат.

Для этих людей я готовил целое испытание, но мне нужно время для полного анализа ситуации. Конечно, решать, лишать их жизни или нет, должны именно мы! Каждый из моей семьи сделает свой выбор самостоятельно, без помощи других – для этого я и готовлю «долгую аферу».

Вся семья собралась за ужином. Эмма ставила блюда перед каждым из нас. Откусив кусок индейки, Джерард начал разговор:

– Сегодня в баре я снова заметил одного парня со стволом. Он не в первый раз посещает заведение. Его зовут Том. В общем, этот Том часто рассказывает нашему бармену о своих похождениях к женщинам. Любит связывать их, насиловать, а потом отпускать. Одну девушку он всё-таки убил. Говорит: «Сучки боятся, когда я достаю пистолет». Как этот ублюдок до сих пор копам не попался, не понимаю!

– Может, он и сам коп? Не думал об этом? – ответил Марк.

– В этом грёбаном городе может быть и такое, – Джерард положил приборы на стол, вздохнул. – Завтра он должен ехать к себе на родину, в Техас, но перед этим не забудет посетить мой бар.

Я решил вмешаться:

– Хочешь проследить за ним? Думаю, он занимается этим на постоянной основе. Можем попробовать – с отцом Дени вроде вышло без последствий, – Эмма, что ты думаешь об этом?

Эмма повернулась, держа в руке стакан и тщательно протирая его полотенцем, ответила:

– Если вы уверены, что этот человек подходит, – я с вами.

Следующим вечером мы пришли в бар, чтобы немного узнать об этом Томе. Все расселись по залу, наблюдая за его действиями. Весь вечер мы были полностью сосредоточены на разговорах. Джерард сидел за барной стойкой, а возле него находилась наша следующая жертва. Том уже прилично накидался, но свои разговорчики припас напоследок. Мы не разработали никакого плана, а просто решили наблюдать. Эмма находилась за барной стойкой в этот вечер вместе с нашим барменом Стивом.

– Что ещё желаешь? – Эмма заговорила с Томом.

– Я ра-нь-ше не ви-дел тебя здесь, ты но-венькая? – Том еле выговаривал каждое слово, но смысл был понятен.

– Я помогаю иногда Стиву, когда есть свободное время, – она подвинула ещё один стакан.

– Я да-вно те-бя при-при –... ПРИ-МЕ-ТИЛ! – Том прижал рукой голову и пытался смотреть прямо на неё. – Прогуляться не хочешь? Как те-бя зовут?

– Сэмми, – нагнувшись к его уху, еле слышно произнесла Эмма, – я скоро заканчиваю работу.

Том попытался встать, но это с трудом выходило. Пока мужчина сходил в уборную, Эмма быстро оделась, кивнула Марку и уже ожидала Тома на улице. Тот вышел в холл и подошёл к Стиву.

– А где де-вушка?

– Смена закончилась, только что ушла, – Стив уже вытирал стойку и посмотрел на Джерарда. – Эй, не советую, парень, девчонка на особом счету.

Бар всегда был набит людьми. Часто случались драки и потасовки, никто и не заметил такого неприметного пьянчугу – кроме Джерарда. Машина Тома стояла на заднем дворе. Не обнаружив Эмму рядом со входом в бар, мужчина направился прямо к своей машине. Возле неё, держа в руке сигарету, Эмма и ожидала нашего гостя.

– Ну что, куда едем?

– Садись, милая, старина Том готов!

Эмма села на пассажирское сиденье и повернулась прямо к нему. Всем своим видом она показывала, что не собирается уходить из машины. Том протянул руку к своему карману, а второй сжал её за талию и придвинул к себе. Эмма приблизилась ещё ближе и потянулась к его карману за пистолетом. Она резко одёрнула руку и выхватила оружие. С заднего сиденья выскочил Марк и тонкой проволокой обхватил шею Тома. Через пять минут этот человек был уже мёртв. Марк прыгнул за руль, и они с Эммой уехали.

Ближе к утру они вернулись домой. Рассказали о том, что подожгли машину и сбросили её с моста. Тело закопали неподалёку.

Я понял, что время пришло. Они стали абсолютно безжалостны, готовы пойти на крайние меры для блага общества. Череда событий, происходящих с невероятной скоростью, подготавливала нас к уничтожению всего зла, что попадётся на нашем пути.

Глава 4. «Стокгольмский синдром»

«Перед моими глазами стоят трое любящих меня людей, терпеливо ожидавших моего скорого возвращения, а позади – человек, рискнувший жизнью просто потому, что доверился мне».

Эмма

Я знала, что Рэй подготовил для нас испытание на стойкость. Смогу ли я это сделать? Смогу ли решить судьбу незнакомого человека – разве я Бог? Пока у меня нет полной уверенности в себе, но братья считают иначе. Сколько же планов они построили. А смогу ли я их воплотить? Не знаю... В одном я уверена наверняка: если ничего не делать, мир не изменится. Когда-нибудь любой другой маленькой девочке нанесут такую же душевную травму, что и мне, – только она не сможет отбиться, не сможет даже убежать. Это тяжело... Тяжело осознавать, в каком безжалостном мире мы живём.

Каждый день люди улыбаются друг другу, а за спиной уже замахиваются, чтобы вонзить нож. Мы живём в большом городе, и здесь я вижу непрекращающуюся жестокость, насилие... А сколько ещё таких людей, о которых мы даже не догадываемся? Может быть, на своём примере мы покажем, что жизнь можно изменить в лучшую сторону.

Марк и Джерри вытащили меня из того горящего приюта, спасли мою жалкую жизнь просто так – потому что это правильно. Рэй, мой отец, подарил мне настоящее детство, воспитывая как родную дочь. Мне повезло с ними – я завидую своей жизни. Разве такое можно представить? Наверное, немногие могут позволить себе быть рядом с по-настоящему любящими тебя людьми. Пока они рядом со мной, я всё смогу.

Все собрались в зале возле камина. Сегодня новогодняя ночь, и мы встретим её вместе. Наступает 2000 год, и он явно будет непростым. Иногда я вижу странные картинки в своей голове – похожие на то, что я видела на выпускном. Мне снятся такие же странные сны. Пока не хочу рассказывать об этом братьям: они и так часто переживают из-за меня.

Сейчас Рэй практически не появляется в своей больнице – больший упор он делает на частной практике, всё время пропадает в своём офисе. Джерри оставил преподавательскую деятельность и полностью посвятил себя бару, превратил его в элитное заведение. Марк редко выходит на ринг – два-три раза в месяц, зато картины расходятся со скоростью света. Я же работаю в издательстве, где пишу некрологи про знаменитых людей и сказки для детей, хотя сама даже не представляю себя в роли матери. Я выполняю заказы всегда вовремя, поэтому вопросов мне не задают. На все заработанные деньги мы построили туристический домик, в десяти милях от Бостона. Я думаю, мы вполне обеспечены, так что можно браться за другие дела.

Все сидели за поздним ужином и наслаждались вечером. Рэй выбрал самый подходящий момент, чтобы наконец раскрыть наши дальнейшие действия:

– Я узнал всё, что мне нужно. В этом стакане – бумажки с именами тех, за кем мы будем следить, – он поставил стакан на стол и подвинул его к Джерри.

– Решил разыграть лотерею? – Джерри возмутился.

– Именно. В этом и заключается вся суть, – ответил Рэй.

Все молча переглянулись. Джерри посмотрел на меня с опаской, вздохнул и прикрыл глаза. Он опустил руку в стакан, достал первую бумажку. На ней было имя: «Мариса Рейес». Джерри в ярости:

– Серьёзно? Мне достаётся долбаная девка?! – возмущению не было предела. Он стукнул кулаком по столу, отодвинул стул ногой, скрестив руки на груди, стал наблюдать дальше.

Следующим руку протянул Марк. На его записке оказалось имя: «Стэн Флорес».

– У меня фанат цветов.

– Ты почти угадал, Марк, – Рэй усмехнулся и потянулся за стаканом. – У меня – «Брайан Холл».

Последней была я. Мне достался человек по имени «Сет Блэк».

Через минуту Рэй достал четыре папки и раздал их каждому из нас в соответствии с именем на бумажке. Я не открывала свою, пока не дождалась реакции братьев.

– Значит, педофил?! А я уже думал, мне придётся изучать педиокактус Нолтона, – все рассмеялись, удивившись высказыванию Марка.

Марк очень начитанный человек. Мне кажется, за свою жизнь он прочёл всю нашу огромную библиотеку по три раза. Он прививал мне эти привычки с самого детства.

– Ты его сам выдумал? Умник. Ну а что же досталось твоей Принцессе?! – Джерри повернулся, с бешеным и возбуждённым видом посмотрев на меня. – Открывай, Эмма, нам всем интересно!

Я открыла папку, пробежалась глазами по досье и через минуту закрыла. Я понимала, что мне достался далеко не одинокий старик, убивавший в прошлом своих жён. Мне достался возможный психопат – по крайней мере, так показалось на первый взгляд.

– Эмма, я жду, – из-за долгой паузы голос Джерри обозлился ещё больше.

Он называл меня по имени только когда был взбешён или слишком серьёзен, – обычно для него я была просто Эм. Я подвинула папку в его сторону. Марк уже был готов к возможной реакции и присел ближе. Джерри швырнул папку на стол перед Рэем.

– Значит, ей достаётся какой-то псих, который может прибить её одним ударом...

– Ну, это вряд ли, – Марк спокойно встрял в разговор, но был не услышан. Джерри продолжал рвать и метать:

– А у меня – девка? Ты не подумал о том, что ей только восемнадцать?! Я бы на твоём месте вообще оставил её дома, пока мы будем разбираться с этим дерьмом! Да какого хрена, Рэй? – Джерри вскочил, Марк резко усадил его обратно.

Рэй абсолютно спокоен, он ждал такой реакции и готов обосновать все аргументы:

– А ты не думал, что здесь не должно быть уступок?! По-твоему, я должен выбрать троих психов и одного топителя собак? Эмма согласилась на это ещё год назад и прекрасно осознаёт, что это не игрушки. И, кстати, у неё на счету уже двое, а вот у тебя только один.

Джерри всегда был вспыльчивым, хотя Марк рассказывал, что в детстве всё было как раз наоборот. Именно Марк являлся зачинщиком всех драк, а Джерри пытался всё разрядить; а теперь, спустя годы, всё обернулось иначе. Я не могу злиться на него за все эти выходки – всё же в нём больше хорошего, чем плохого. Ну да ладно, к чёрту лирику.

Джерри не нашёл подходящих слов в ответ Рэю. Он поднялся из-за стола и вышел на улицу. Я посмотрела на Марка и Рэя и сказала, что всё улажу. Нужно поговорить с ним.

На протяжении всей жизни братья привыкли к таким выходкам: через день или два Джерри обычно успокаивался и всё забывал. Но всё же здесь совершенно другая ситуация – нам нужно поговорить. Я вышла на улицу, подошла к скамейке у озера, на которой он яростно расселся.

– Подвинь зад, Джерри. Можно присесть?

Он махнул рукой, держа сигарету, и дал понять, что не против. Долгое молчание нагнетало обстановку. Он вздохнул...

– Я боюсь за тебя, понимаешь? Ты слишком дорога мне, чтобы отдавать тебя на полгода незнакомому человеку.

– Если ты будешь так яростно оберегать меня всю жизнь, я так и останусь домашней собачкой. Помнишь, как ты разбил бутылку о голову моего одноклассника? А ведь он просто взял меня за руку. Пора выключить долбаное отцовство, мне уже не десять, Джерри.

– Это не отцовство, Эм. Совсем не отцовство, – он поднял левую руку, протирая глаза. – Ты всё поймёшь.

– Ну, если ты и вправду так дорожишь мной, то позволишь мне развиваться дальше. У меня большие возможности, как же ты этого не поймёшь?! И вообще, пора уже найти тебе жену – ты стареешь, может, тогда ты немного отвлечёшься от внимания ко мне.

Джерри усмехнулся с таким упором, что, по-видимому, даже вода в озере затряслась. Я никогда не боялась его, хотя иногда он меня пугал.

– Жена... Так глупо, Эм. Всё же ты ребёнок, а завтра ты уже готова ехать на край света, чтобы попасть в очередную жопу, – он повернулся ко мне, выбросил сигарету и дотронулся до моего лица. – Ты как-то сказала мне, что будешь любить меня, какой бы сволочью я ни был, помнишь? Так вот, и я люблю тебя, несмотря на всё, что ты делаешь, – он провёл двумя пальцами по моему лицу, поцеловал в лоб и шёпотом произнёс:

– Всегда буду тебя любить.

Джерри прижал меня к себе и пообещал, что больше не будет препятствовать. Не передать словами всё, что я почувствовала тогда, – один из лучших моментов моей жизни.

– Нужно возвращаться, Джерри. Здесь холодно. Прости меня, если что не так.

– Я приду через минуту, – он закурил ещё одну сигарету. – Доброй ночи, Эм.

– Доброй ночи, Джерри.

Утром я проснулась первой и успела приготовить всем завтрак. Джерри спустился немного позже меня в отличном настроении – всё, как я и говорила: он иногда просто выключается.

– Я уверен, что это блины.

– Ага. Приготовленные с большим количеством любви, специально для вас, сэр!

– Спасибо, Эм, – Джерри поцеловал меня и сел за стол.

На запах спустились и остальные. Все были в прекрасном настроении: видимо, вчера вечером они поговорили, и всё решилось само собой. Я решила спросить:

– Ну что, когда приступаем?

Рэй поперхнулся. Мы обсудили все детали – нужно собрать вещи для долгой поездки. Рэй подготовил оружие, одежду и всю необходимую информацию. Первые два месяца необходимо пустить на исследование жизни жертвы. Мы сделали новые номера, зарегистрированные на пациентов клиники Рэя. Они нужны для звонков два раза в месяц – по необходимости. Мы договорились не приближаться к жертвам сразу, не светиться и не геройствовать, в какую бы ситуацию ни попали. План расписан до мелочей, оставалась лишь самая малость – реализация. Мы попрощались на полгода.

Рэй отправился первым же рейсом в провинцию Саскачеван; Джерри арендовал на год малозаметную квартиру в доме для малоимущих; Марк поступил так же, сняв квартиру в доме поблизости от психиатрической больницы Маклина; а я остановилась в трейлере, расположенном в кемпинге при студенческом колледже. Здесь мне предстояло провести полгода жизни. Да, местечко не из лучших и уж точно не похоже на наш большой уютный дом.

Я очень быстро нашла своего товарища. Он невысок, где-то моего роста, тёмные растрёпанные волосы, голубые и очень грустные глаза... Да, то ещё зрелище. Парень жил в квартире, выделенной государством после отсидки в тюрьме. В десяти минутах ходьбы находилась химчистка.

Каждое утро он останавливается в кафе, чтобы съесть яичницу с беконом и гамбургер, и всегда забирает с собой стакан кофе. Ровно в 9:00 заходит в химчистку. Стаканчик выкидывает при входе. Прежде чем войти, не забывает протереть уставшие глаза. Он проходит по коридору к своему шкафчику под номером 97, снимает одежду и надевает стандартную форму. С 13:00 до 13:30 – обед. Мистер Блэк обедает в столовой, которая находится в другом здании через дорогу. До 17:00 парень находится в здании, а по истечении времени идёт прямо в бар возле своего дома. Там Сет находится до 20:00 или 21:00 – всегда по-разному. В 21:30 (самое позднее) он заходит домой. В 22:00 свет в окне гаснет.

Вот и всё. Обычный день обычного неприметного американца. Я ничего не понимала – может, Рэй так подшутил надо мной. Хотя нет, на него не похоже. Первый месяц ушёл на то, чтобы узнать всю эту абсолютно рутинную информацию. Я решила не тратить второй впустую, а сразу начать действовать.

Утром, тридцать второго дня «долгой аферы», в 8:30 я зашла в кафе и заказала тот же завтрак, что и он. На протяжении следующих десяти дней я стала приходить туда каждое утро, чтобы Сет меня заметил. Я не смотрела на него, вела себя абсолютно естественно, но мне просто необходимо его заинтересовать.

Мой метод отличался от других: если братья не светились перед жертвой, то я – наоборот – решила сделать всё, чтобы меня запомнили. Я вычёркивала каждый день на своём календаре, и на сорок третий он всё-таки меня заметил. Сет читал газету и иногда прерывался, чтобы посмотреть в мою сторону. Я не подавала вида. Чуть позже я начала ходить в бар по соседству. Сидела всегда за барной стойкой и пила виски. Сет всё чаще стал обращать на меня внимание. Однажды утром, когда он покупал кофе, на спинке стула он оставил куртку. Пока Сет сидел спиной ко мне, я вынула из кармана ключи. Через пять минут я вышла из заведения.

У меня было достаточно времени, чтобы найти квартиру. В досье указан номер 62. Я открыла дверь – помещение похоже на жилище бездомного человека. На кровати лежит одна простыня тёмно-серого цвета от грязи, пол истоптан: видимо, обувь не снималась никогда, а в холодильнике – годовой запас полуфабрикатов. Вот уж действительно – «сапожник без сапог». Но меня интересовало не это: в спальне на стене висят какие-то планы и чертежи, всё отмечено маркерами. Слева висят фотографии – пока я не знаю, что за люди на них изображены, мне необходимо изучить всё в спокойной обстановке. У меня есть карманный фотоаппарат размером с маленький блокнот; с его помощью я сфотографировала каждый элемент этой стены. Под подушкой нашла револьвер – шестизарядный, по всей видимости, 1873 года, «Миротворец». Нужно уходить. Времени мало.

Немного погуляв, я дождалась часа дня, зашла в столовую и прошла мимо него, зацепив куртку и вернув ключи на место. Сет ушёл буквально через десять минут – мне оставалось проявить фотографии и изучить материал.

Блэк не похож на психа, но эта стена разрушала мои догадки. На фотографиях видно, что он везде отмечает 20 мая. Фотографии, как я выяснила позже, принадлежали сотрудникам одного из банков – First Municipal Bank. Чертежи также описывали всю внутреннюю систему банка. Сет узнал все коды доступа и расписал, каким образом будет происходить ограбление. Единственное, что мне непонятно: как он собирался провернуть это в одиночку.

Следующие два месяца ушли на то, чтобы изучить поведение жертвы. Блэк казался обычным человеком, вот только я никогда не видела, чтобы он улыбался. Я не находила причин лишать его жизни, хотя в голове уже прокрутила возможные способы убийства. Сет очень обозлён или, скорее, несчастен.

Когда парню было пятнадцать, он состоял в банде местной шпаны вместе со своим братом (имя в досье не указано). Тогда их уже депортировали в США и предоставили жильё. Оба оказались на улице: работы не было, разве что пособие по безработице старшего брата. Вместе они грабили ювелирные лавки, продуктовые магазины и автозаправки. Это продолжалось некоторое время. Тогда братья затеяли крупный грабёж одного оружейного музея. По всей видимости, хотели продать достаточно дорогие экземпляры карабинов и дробовиков второй половины XIX века.

Напротив музея находился магазин – «Всё по 99 центов», откуда выходила семья из трёх человек. В музее началась перестрелка, в результате которой пролетающей пулей задела ребёнка. Девочка погибла на месте. Никому из банды не удалось скрыться, кроме его брата. В результате обвинения в убийстве предъявили Сету Уильяму Блэку. Он отсидел 10 лет и вышел

на свободу в 1997 году. Это всё, что мне удалось выяснить про этого человека. Дело оставалось за малым – дождаться 20 мая и посмотреть на его действия.

Я выяснила, что в этот день Блэк собирается ограбить банк без какого-либо сопровождения. У него есть всего один револьвер – другого оружия я не обнаружила, возможно, купит немного позже. Недавно Сет приобрёл машину, но так ни разу на ней и не выехал – вероятно, она нужна для чего-то другого. Автомобиль зарегистрирован на неизвестного мне человека: может, Сет заплатил кому-то, чтобы не задавали лишних вопросов. Не знаю, что парень будет делать, но мой срок заканчивается в конце июня. Думаю, я сумею узнать о нём гораздо больше.

Наступает май, я терпеливо жду действий. Я задумала совершить абсолютно сумасшедший поступок – в случае, если парень окажется хорошим человеком. Время покажет, главное – не отступать от плана.

В 9:00 двадцатого мая двухтысячного года двери банка были уже открыты для посетителей. Сет не явился на работу, также не появился и в кафе. Я немедленно поспешила в банк, надев чёрный парик. Я делала перевод на карту наличными, и это заняло у сотрудников время. Блэк появился незамедлительно, одетый как-то иначе. На нём было чёрное длинное пальто, тёмные очки, а в руках большая папка.

Сет стоял в очереди и ожидал, когда его обслужат. Около двадцати минут он осматривал помещение, как вдруг двери банка защёлкнулись на электронный замок. Рука Сета находилась в кармане, когда охранник ринулся к двери, чтобы устранить поломку. Некоторые посетители обратили на это внимание и начали переговариваться между собой. Странное чувство – меня немного затрясло, я поняла, что обратной дороги быть не может, но паника нахлынула волной. Я знала, что сейчас он предпримет что-то.

Охранник взялся за ручку двери и немедленно повалился на пол. Сотрудники обернулись – начался хаос. В этот момент Блэк незаметно бросил дымовую шашку прямо под стол и отошёл на безопасное расстояние. Через мгновение люди начали задыхаться и падать на пол, закрывая лица руками. У меня с собой был платок – с его помощью я смогла дышать некоторое время. Потом – провал: я не помню, что случилось дальше, совсем... Открыла глаза с большим трудом и увидела, как человек в маске усаживает всех в одном месте.

Он направился в мою сторону, схватил меня за куртку и протащил к остальным. Снова провал... Всё как в тумане... Мне тяжело дышать – наверное, я не справлюсь с этим. Сет велел всем молчать и грозил оружием. В его руках – папка и кожаная сумка, наполненная деньгами. Я заметила, что некоторые камеры разбиты. Блэк навёл револьвер на всю толпу. Многие прижались к полу, боясь поднять голову; двое мужчин неразборчиво кричали – и Сет выстрелил одному в плечо. Я помню, что подняла голову и посмотрела прямо ему в глаза. Блэк стоял неподвижно около минуты, громко крича на заложников и грозясь выстрелить следующему в голову. Я опустила глаза и услышала приближающиеся шаги.

– Поднимайся! – громкий голос обратился ко мне.

Я боялась поднять голову, но он быстро «помог» мне встать на ноги. Сет приставил к моему виску револьвер, обхватил меня и сказал, чтобы все лежали на полу ещё десять минут. Мы вышли через задний ход, где уже стояла машина. Как только дверь закрылась, зазвучал сигнал тревоги. Сет толкнул меня на заднее сиденье и закрыл дверь, а сам уселся за руль.

– Если ты издашь хоть один звук – я убью тебя, поняла?! – голос был приглушённый, как будто прокуренный, – в нём звучал сам страх.

Я прижалась к сиденью, поддакивая каждому слову. Так страшно мне ещё не было никогда. Рядом нет никого из моих братьев – они точно не знают, где я сейчас нахожусь. Боюсь, я погорячилась и не рассчитала своих возможностей. Нужно делать, что он говорит.

Полиция промчалась прямо мимо нас: машина была незаметной и очень дешёвой. Сет достал сигарету, скинул с себя пальто, выбросил его в окно и закурил. Мы ехали молча несколько часов, уезжая всё дальше из города. На горизонте появился коп, указав на обочину.

– Вот, блять! Сиди здесь и не вздумай сказать что-то лишнее, – Сет остановился и трясущимися руками открыл окно.

– Сэр, добрый день. Предъявите документы на машину, – коп показал удостоверение.

Сет открыл бардачок, достал папку с бумагами. Протянул документы.

– Куда едите?

– В Бруклин, офицер, – Сет улыбнулся, отвернув лицо.

Коп просунул голову в окно и посмотрел на меня.

– У вас всё в порядке, мисс? – офицер обратился ко мне. Сет вспотел от волнения и оскалил лицо.

– Да, офицер. Всё хорошо, – я улыбнулась, сделав вид, что никакой опасности нет.

– Не превышайте скорость, иначе вас будут останавливать на каждом посту.

– Без проблем, офицер.

– Удачной дороги.

Блэк забрал документы, улыбнулся офицеру и тронулся с места. Больше он не проронил ни слова – я забеспокоилась. Мы проехали Бруклин и свернули в неизвестном направлении. Уже стемнело к тому времени, как мы добрались. Он остановился у старого дома в лесу. Сет открыл мою дверь.

– Выходи!

– Ты не заберёшь деньги? – парень закрыл машину и направился в сторону дома, вот я и решила спросить.

Сет обернулся, немного сдвинул брови и забрал сумку с деньгами. Он схватил меня за куртку и потащил в дом. Я очень устала, но не подавала вида. Сет толкнул меня на кровать, а сам сел рядом.

– Ну и кто ты? – он обозлённо смотрит на меня и не может понять, откуда знает моё лицо. Немного подождав, хватает меня за голову и снимает парик. Дотронувшись до моей щеки, задаёт мне вопрос:

– Ты же постоянно ошивалась в кафе по утрам, в баре я тебя тоже видел. Откуда ты меня знаешь?

– Я не знаю, о чём ты говоришь, ты меня с кем-то путаешь.

– Не делай из меня идиота, ты ведь не случайно оказалась в том банке? – Блэк начинает закипать.

– Не случайно... Ты обещаешь меня не трогать?

Сет напрягся, а я была абсолютно спокойна и уверена в том, что он не причинит мне вреда.

– Моя семья ненавидит таких людей, как ты... Почти как ты. До сегодняшнего дня я была уверена, что ты виновен в том, за что сидел. Ты отличаешься чем-то от остальных – в любом случае, когда я закончу, ты либо пристрелишь меня, либо пойдёшь со мной. Я следила за тобой несколько месяцев, хотела выяснить, чем занимаешься. Видимо, облажалась. Это было задание на стойкость, которое я провалила. Тебе остаётся лишь навести свой револьвер и прострелить мне голову, – я не могла остановиться, мне хотелось рассказать всё, что со мной происходит. Чувства захватили меня, я сглупила, выложив все карты на стол. Тогда мне казалось, что я пожалею об этом...

Блэк усмехнулся, медленно покуривая сигарету. Он потянулся за револьвером и навёл его прямо на меня. Я закрыла глаза, уткнувшись головой в матрас. Услышала щелчок – Блэк нажал на курок. Я поняла, что ошиблась. «Это конец, – пронеслось в голове. – Такая глупая смерть...»

Сет показал, что в револьвере нет ни одного патрона. Парень смеялся. Открыв сумку, он бросил мне банку дешёвого пива и протянул свою.

– Ты мне нравишься, такая отчаянная... Придумала весь этот бред, чтобы хоть как-то выбраться из всего этого дерьма. Неужели ты не боишься?

– Тебя? Нет, Сет.

– Знаешь моё имя?!

– Твоё досье дал мне отец. Ты недавно вышел из тюрьмы и был осуждён за убийство ребёнка, разве нет?

– Да какого хрена?! – он вскочил, выхватил нож и приставил к моему горлу.

– Я рассказала всё, что могла. Убери нож, Сет. Я тебе не враг.

– Я не убивал её, это сделал мой брат, – в глазах блеснуло настоящее отчаяние.

– Прости, я только хочу помочь... Убери нож, пожалуйста...

Сет успокоился – он выяснил всё, что хотел. Парень убедился в том, что я не лгу. Я называла факты из его жизни, которые просто вводили его в бешенство. После долгой ночной беседы я убедила его, что он может пойти со мной, если больше некуда. Пообещала, что смогу помочь.

Парень опустошён – у него нет дома, работа приносит только моральный вред, а развитие своих интеллектуальных способностей речь вообще не заходит. У него есть огромный потенциал в инженерии. Сет встроил в дверь банка регулируемый впрыск хлороформа, чтобы вывести из строя охранника, – это лишь один из примеров его гениальности. О других я ещё не успела расспросить.

И пока я была без сознания, Сет совершил гораздо больше манипуляций. Ему удалось в течение пяти минут вывести из строя все камеры видеонаблюдения, убрать охрану и поместить весь персонал и клиентов банка в одно место.

Время прошло незаметно – мы проговорили уже больше двух часов. Сет начал копошиться.

– Попробуешь? – он достал из куртки пакетик и насыпал содержимое в маленькую трубку. Я не знала, что это. Даже испугалась немного, но была уверена, что вреда не будет.

– А это что?

– Никогда не пробовала? Мне тебя жаль. Это единственное средство, которое помогает забыть о своём жалком существовании.

Он поджёт содержимое и выкурил. Потом протянул мне. Минут через десять закружилась голова, лицо человека перед моими глазами раздвоилось, и мне стало страшно. Сет сказал, что нужно расслабиться. Я легла, уставившись в потолок. Мы лежали пластом, соприкасаясь плечами.

Парень уже не казался мне таким страшным бандитом – мы могли спокойно говорить. Я помню, Рэй как-то рассказывал мне об изменении чувств к человеку, который угрожает твоей жизни. Вроде он назвал это стокгольмским синдромом. Тебе уже не кажется, что ты жертва, и он для тебя уже не преступник.

– О... А ты уверен, что я не «отъеду» от твоего чудо-средства?

Сет смеялся, он был абсолютно расслаблен и показался мне другим человеком – не тем, кого я привыкла видеть.

– Почему этот день? – спросила я.

– День, сейчас ночь...

– Я про твои чертежи – там везде двадцатое мая.

– Ты успела даже залезть в мою квартиру! С ума сойти. Аха-ха. Мой день рождения...

Ненавижу его – всё жду, когда меня пристрелят, – глаза покраснели, кажется, он хочет спать.

– И зачем ты тогда живёшь?

– Не знаю... Всегда хотел завести семью, но как-то не получалось...

– Может скоро получится?!

Сет снова рассмеялся.

– Добавить? – он стал насыпать ещё.

– Я хочу спать... Только не пристрели меня с утра, хорошо?! И... С днём рождения, Сет! – мои глаза закрылись.

Тогда я быстро уснула, чувствовала себя спокойно – страх совсем ушёл. Я могла уйти, убежать, но не захотела.

Утром Сет не изменил своего отношения ко мне: всё приглядывался, пытаюсь уловить подвох. Этот человек мало кому доверял по жизни, а тут – я со своей сумасшедшей историей. Время всё расставит на свои места.

Мы отправились в Бостон. По пути захватили мои вещи из трейлера. Сет уже протрезвел, но его глаза выдавали небольшую усталость.

– А где гарантия, что твоя семейка не грохнет меня, когда мы туда явимся?

– Её нет. Я сделаю всё возможное, чтобы этого не случилось, – они меня послушают. А в крайнем случае... Ты ведь ждёшь, пока тебя пристрелят, разве нет?!

По дороге мы слушали радио, где говорилось о вчерашнем ограблении банка. Полиция ищет мужчину 40-45 лет с бородой, на чёрном внедорожнике. Не знаю, как ему это удалось, но Сет явно хорош в своём деле. Мы говорили всю дорогу – это довольно интересный человек; мне даже удалось увидеть небольшую улыбку пару раз.

Вечером мы добрались до моего дома. Свет в окнах горел – видимо, хотя бы один из них уже выполнил задание и вернулся обратно. Я не видела ребят пять месяцев, только телефонные звонки раз в две недели. Открыв дверь, я обнаружила всех троих, сидящих в холле. Сейчас я либо совершу самую большую ошибку в своей жизни, либо в моей семье появится ещё один брат.

Перед моими глазами стоят трое любящих меня людей, терпеливо ожидавших моего скорого возвращения, а позади – человек, рискнувший жизнью просто потому, что доверился мне.

Глава 5. «Амнистия»

«Грамотный расчёт плана сделает тебя непобедимым: ты будешь уверен в каждом шаге своего врага, таким образом ни один коп никогда до тебя не доберётся».

Сет

Моё место не здесь – я должен был остаться в Мексике, но, как известно, против системы не попрёшь! Политика, как не крути. Странно иногда бывает, как малейшая оплошность или незначительный поступок полностью меняют твою жизнь. Я не смог избежать этого. Мой отец расстрелян, мать изнасилована и убита. Разве я мог вырасти нормальным?!

Я родился в Хуаресе – месте, где каждому человеку когда-нибудь придётся убить. В моём случае отец вложил мне в руку револьвер и заставил выстрелить в овцу. Тогда мне было десять. Он повторял каждый день, что я не достоин носить его фамилию, во мне нет отваги, нет мужества, которыми должен обладать коренной мексиканец. Отец и сам не был мексиканцем, только пытался походить на него. «Ты слабак!» – злость закипала в нём. «Ты просто дьявол, мальчик, мир ошибся, когда назначил тебя моим сыном!» Моё имя олицетворяет бога войны, хаоса и смерти. Жизнь сама сделала меня таким, зато моему братцу всё сходило с рук. Родители обожали его: всегда самая лучшая еда, одежда, похвала и прочее. Мне казалось, что я не должен быть с ними, как будто *это не моя семья*. Всегда хотелось какого-то спокойствия – здесь бы я этого не получил.

В 1984 году в наш дом ворвалась банда наркоторговцев, их было около шести человек. Самый здоровый долго говорил с отцом, пока остальные держали нас, приставив к горлу ножи. Разговор был о каком-то проценте за передержку товара. Отец плюнул в лицо громиле, и тот выстрелил ему сначала в оба колена, потом в грудь, а после долгого воя своей жертвы – двойной в голову. Мать потащили в комнату, где зверски убили. Нас с братом посадили в машину и увезли. Наши глаза завязаны, куда везут – неизвестно. Да и вообще, зачем мы им понадобились? В тот момент я не особо мог оценить ситуацию. Мы прибыли на основную точку – так называемое гнездо картеля. Здесь располагалась база, которая одновременно являлась местом их проживания, складом, где они держали свой товар, и постоянным лагерем. Нас поместили в камеру, где мы просидели четыре дня.

Однажды утром я услышал, как открывается старая скрипучая дверь, и в глаза ударил яркий свет. Брата увели первым, я долго ждал, пока придут за мной, – и вот, наконец, это случилось. Меня схватили за шиворот, потащили в комнату, где сидел грозный мужик с сигарой во рту. Усадили прямо перед ним. Я не помню, что мне говорили, но суть была в том, чтобы я стал для них крысой. Босс хотел с помощью меня узнать информацию о других картелях города. Собственно, так и получилось. Спустя совсем недолгое время с помощью двух мальчишек, абсолютно не понимающих, что они творят, эти уроды смогли сдать полиции три незаконные банды. Брат купался в этой стихии, ему поручали более щепетильные задания, нежели мне. Изначально я не соглашался на вступление в картель, но меня просто заставили: дали два пути – либо я работаю на них, либо умираю.

Я не скорбел по родителям. Никогда не любил их, *да и никого не любил*. Брат – это моя полная противоположность. Надменный, высокомерный брехун. Он вымещал злость на каждом встречном, я же делал это выборочно. Эта банда позволила мне раскрыть свой потенциал.

В течение двух лет я работал на них, и во мне боролись два человека. Один желал мести, денег и славы, другой хотел спокойствия и умиротворения, которого у него никогда не было. Именно поведение второго всегда подводило мою работу. Я часто плошал. Босс оказался недоволен моим поведением, часто оставлял меня на два-три дня «подумать» в одиночестве. Что-то засело в голове и не давало жить. В те дни, когда я сидел в камере, часто думал, почему родители никогда меня не любили, чем я хуже Маркуса. Он всегда вёл себя гораздо хуже, чем

я. В некоторых случаях я находил ответы. Отец был жестоким человеком, Маркус всегда подражал ему – может, поэтому его любили. Я всегда ощущал себя чужим, не чувствовал близости к этим людям. Мать никогда не разговаривала со мной. Как мы вообще сидели за одним столом? Я не помню, чтобы испытывал положительные эмоции. Не встречал людей, которые бы постояли за меня. Меня просто не существовало.

Однажды я подумал: «А что, если меня не станет? Ведь ничего не изменится. Ни один человек не заплачет обо мне». Я не понимал, как продолжаю жить с такой ненавистью к людям, а главное – к себе. Моё существование просто продолжалось. Я понял, что пора выключить свои чувства, и прогнулся. Мне нужно выжить! С этими людьми я провёл много времени и научился продавать наркоту, подставлять своих же людей, воровать, убивать и пытаться людей. Этот городок заставил увидеть жизнь с худшей стороны.

Босс учил никогда не испытывать жалости к людям, говорил, что есть два выбора: оставаться на месте зверя либо сесть на стул для пыток вместо них. Проще говоря, либо убьёшь ты, либо тебя. Я погружался в этот прогнивший мир всё больше, и мне это нравилось. Единственное, что смущало, – когда дело доходило до абсолютно невинных. Тогда я просто не смотрел: моё лицо становилось каменным, а внутри извергался вулкан.

За эти два года мы с братом полностью отдалились друг от друга. Он занимался исключительно заказами на убийство, и из него вырос настоящий киллер. Я же в большей степени просто торговал и являлся исполнителем. За всё это время мы поговорили всего дважды – и то о работе.

Время шло, и ничего не менялось, пока одним утром мне не завязали глаза и не бросили в грузовик. Меня привезли в аэропорт, где передали абсолютно неизвестным людям – вместе со мной и Маркуса. Нас усадили в самолёт, сопровождали четыре человека в форме. В их руках оказались наши документы, визы, а также бумаги на эмиграцию из страны. По политическим соображениям банда распалась в течение недели и расселилась в разные страны. По прибытии я понял, что оказался в абсолютно другой стране, с другим менталитетом и ценностями – Соединённых Штатах Америки.

В посольстве страны решили определить нас с братом в детский дом, где мы пробыли около месяца. Нас учили английскому, хотя в картеле мы достаточно хорошо научились разговаривать на нём. Брату исполнилось восемнадцать, и ему предоставили комнату в районе для малоимущих, мне же оставалось только ждать. Как ни странно, Маркус оформил опеку надо мной и забрал оттуда. Я был удивлён. Ему предоставляли пособие от государства, но работать Маркус не собирался.

Мне только исполнилось пятнадцать, когда мы начали грабить магазины. Я наткнулся на мелкую шпану во дворе дома, которая предложила вместе совершать грабежи. Маркус подключился незамедлительно. Сначала это были продуктовые магазины, потом бутики с одеждой, кафе, заправки. Но спустя время мы начали совершать действительно крупные ограбления. Наши имена оказались в списках разыскиваемых преступников города. За это время из-за нашей работы погибли двое – просто оказавшись не в то время и ни в том месте. Так что я проходил у полиции не только как вор, но и как убийца.

Я научился сочувствовать: во мне было столько ненависти, что другой человек бы просто не вынес. Я придерживался всегда одной мысли: «Грамотный расчёт плана сделает тебя непобедимым: ты будешь уверен в каждом шаге своего врага, таким образом ни один коп никогда до тебя не доберётся». Это всегда помогало выживать – только холодный расчёт.

И вот однажды моё везение кончилось. Мы затеяли ограбление старинного музея оружейной техники времён XVIII-XIX веков. Мне не хватало чувства меры, я хотел больше! Рассчитал всё до мелочей: мы убрали охрану, камеры, отключили все возможные системы связи с полицией. Я разносил витрину за витриной, забирая самые ценные экземпляры карабинов

и винтовок, совсем потерял голову. Мне это нравилось, а как нравилось братцу – я вообще молчу.

Набрали шесть мешков драгоценного оружия и уже собирались уходить. Вдали послышались сигналы сирены. Я заторопился. Уходил из музея последним – тоже я, и когда оказался на улице, увидел приближающиеся машины полиции. Нам велели бросить оружие и сдаться – и вот во мне снова щёлкнуло чувство того второго человека. Я не хотел этой перестрелки, не хотел убийств невинных людей. Хотел только одного – смыться оттуда.

В моей руке был тот самый револьвер, который отдал отец; не знаю почему, но я носил его с собой всегда. Он был заряжен пятью патронами, так как один я выпустил в пол, чтобы напугать охрану. Я прятался за одной из машин на стоянке, пока остальные отстреливались от копов. Маркус подбежал ко мне, выхватил револьвер и начал стрелять. На противоположной стороне улицы я заметил двоих людей, склонившихся возле лежавшего человека, а точнее – ребёнка. Я схватился за голову: «Неужели мы убили ребёнка?» Брат кричал, что я слабак – так же как кричал когда-то отец. Он стал точной копией ублюдка, таким же безжалостным убийцей и вором. Он отдал мне револьвер, отбежав к другой машине.

Четверых из наших положили, остались только мы с братом и ещё двое парней. Последние побежали сдаваться, пока брат собирал в мешок остатки денег и оружия. Я не заметил, как меня схватили сзади и оглушили. В глазах потемнело, и последним, что я увидел, был мой брат, который поднимался с колен. Маркус посмотрел на меня с ненавистью, а затем скрылся...

Я очнулся в тюремном госпитале, где провёл несколько часов. Удар по голове оказался достаточно сильным, да ещё вдобавок копы постарались, шарахнув меня шокером. Меня незамедлительно повели в комнату для допросов. За столом сидела женщина. Мне предъявили обвинение в убийстве ребёнка, так как двое из моей банды подтвердили, что стрелял именно я. В крови обнаружили мои любимые наркотики, которыми я частенько баловался. Пуля, которую извлекли из тела девочки, соответствовала револьверу в моей руке. Также мне вспомнили заслуги по прибытии в Бостон: каждое ограбление, каждый угон автомобиля – мои бойцы выложили все карты на стол, пытаясь скопить себе срок. В итоге им дали по пять лет за грабежи, хулиганство и разбои, а я подходил идеально для полного обвинения в убийстве.

Три месяца ожидания – и вот меня ведут на суд. «Детоубийца» – кричала толпа за окном. Каждый человек в Бостоне говорил об убийстве дочери погибшего генерала, прославившего когда-то город. Пока я сидел под стражей, один коп сообщил мне, что мать девочки покончила с собой. Сколько же жизней я отнял?! Это невысказанно.

Я зашёл в зал заседаний, где уже находились множество журналистов с диктофонами и камерами. Люди в форме и плачущие родственники окружили меня. Я в клетке, как старый волк, которого изгоняет стая. Мне не забыть того дня...

Не растерявшись, я в тот момент, не позволив выхватить тот злополучный револьвер, не согласись пойти в тот музей, не встретив ту школоту, не открыв дверь той банде на ранчо, а просто спрятавшись в подвале, как велели нам с Маркусом родители, – девочка и её мать остались бы в живых. Знал бы, где упаду, – подстелил бы солому. Ничего не случается просто так. Я делал всё осознанно и получил конечный результат.

Теперь я помещён в одно из опаснейших исправительных учреждений Америки. Мне напомнили о так называемых «законах об ответственности сообщников» за убийство двух копов, которые погибли в перестрелке. Мой срок составил 65 лет. Никто не стал разбираться, где мой брат, почему в момент задержания отпечатки на револьвере были не только мои. Доказательств оказалось достаточно – я идеальный кандидат. Вот так я оказался не нужен сразу двум странам, не успев даже освоиться в них.

Меня определили в камеру с убийцей детей, таким же, как и я сам. Он был около двух метров ростом, лет сорока. Руки постоянно тряслись, дергался глаз, хотя охрана сказала мне, что его совсем недавно поймали. Дверь камеры закрылась, тяжёлый голос в микрофоне объ-

явил об отбое. Я знал, что мне нужно выживать, в таких местах действует именно то правило, о котором рассказывал мне Босс. Мой второй человек – с чувством совести и доброты – отключился окончательно. Теперь я один из них, один из самых опасных преступников страны.

Мой сокамерник долго осматривал меня, прежде чем заговорить. Зубы были жёлтыми, а глаза наливались кровью. Я решил, что, если хочу прожить хоть немного, нужно налаживать контакты. Мужик заговорил первым. Спросил, сколько мне дали и за что. Я сделал голос грубее, ответив: «Пожизненно, убийство!» Звучало убедительно. Босс учил: если врать, то до конца. Если хочу выжить, нужно стать частью этой стаи. Мужик спросил, виновен ли я. Я засомневался – мой ответ: «Нет!» Он усмехнулся, сказав: «Мы все невиновны перед этими пидорами». Протянув мне руку и сжав её, громко сказал: «Добро пожаловать, щенок!» Сегодня для меня началась новая жизнь. Вот моё убежище на ближайшие лет двадцать; потом, если повезёт, я сдохну. Удачи, Сет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.